СБОРНИКЪ
ОТДѢЛЕНІЯ РУССКАГО ЯЗЫКА И СЛОВЕСНОСТИ ИМПЕРАТОРСКОЙ АКАДЕМІИ НАУКЪ.
Томъ LIII, № 3.

О РОДИНѢ И ПРОИСХОЖДЕНІИ ГЛАГОЛИЦЫ И ОБЪ ЕЯ ОТНОШЕНІИ КЪ КИРИЛЛИЦѢ.

—⁎—

ИСТОРИКО-ЛИТЕРАТУРНОЕ ИЗСЛѢДОВАНІЕ

АРХИМАНДРИТА **ЛЕОНИДА**
ЧЛЕНА-КОРРЕСПОНДЕНТА ИМПЕРАТОРСКОЙ АКАДЕМІИ НАУКЪ.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.
ТИПОГРАФІЯ ИМПЕРАТОРСКОЙ АКАДЕМІИ НАУКЪ.
Вас. Остр., 9 лин., № 12.
1891.

Напечатано по распоряженію Императорской Академіи Наукъ.
С.-Петербургъ, Іюнь 1891 г.
Непремѣнный Секретарь, Академикъ *А. Штраухъ*.

О РОДИНѢ И ПРОИСХОЖДЕНІИ ГЛАГОЛИЦЫ.

(Посвящается памяти О. М. Бодянскаго и И. И. Срезневскаго).

Подлинно, слѣдовало бы опасаться за человѣческій умъ, если бы невозможно было раскрыть удовлетворительнымъ образомъ происхожденіе обѣихъ славянскихъ азбукъ въ томъ IX столѣтіи, которое такъ ясно въ историческомъ отношеніи и такъ богато въ литературномъ.

П. I. Шафарикъ въ его соч. о Глаголицѣ (русскій переводъ, Чтенія 1860 г., кн. IV, отдѣлъ III, стр. 2).

Глаголическія Евангелія: Зографское (исх. X вѣка), Маріинское (XI вѣка), Ватиканское (XI вѣка). Родина Глаголицы, причины и время ея появленія. Глаголическій алфавитъ. Отличіе текста Глаголическихъ Евангелій отъ Кирилловскаго (Остромирова Евангелія 1057 г.). Отношеніе глаголическаго текста къ латинской вульгатѣ. Конечныя заключенія, вытекающія изъ сравненія глаголическаго извода съ кирилловскимъ.

I.

Нашъ незабвенный славистъ профессоръ О. М. Бодянскій въ своемъ извѣстномъ сочиненіи «О времени происхожденія славянскихъ письменъ» (Москва, 1855), подводя итоги всему, что было писано до тѣхъ поръ учеными на Западѣ и у насъ за и противъ Кириллицы, убѣдительно опровергнулъ всѣ голословныя и ни на чемъ, кромѣ предположеній, не основанныя мнѣнія о старѣйшинствѣ Глаголицы, и въ томъ числѣ пущенное въ ходъ съ легкой руки Копитара и раздутое его послѣдователями мнѣніе, будто бы кирилло-меѳодіевскій переводъ св. Евангелія на славянскій языкъ сдѣланъ именно въ Панноніи на паннонское нарѣчіе и изображенъ тѣмъ алфавитомъ, который былъ въ употребленіи у

далматинскихъ славянъ далеко ранѣе свв. Кирилла и Меѳодія и т. д. Опроверженіе паннонскихъ «фантазій» Копитара занимаетъ въ сочиненіи О. М. Бодянскаго цѣлыхъ 107 страницъ (отъ 213 до 320). Относительно же *древности* Глаголицы О. М. Бодянскій замѣчаетъ: «не могу согласиться на старшинство Глаголицы передъ Кириллицей, хотя, опираясь на новѣйшія данныя, охотно отношу появленіе ея къ одному и тому же вѣку съ Кириллицей» (стр. 317—318).

Академикъ славистъ И. И. Срезневскій въ 1865 году осуществилъ благую мысль собрать въ одно цѣлое свѣдѣнія о всѣхъ древнихъ памятникахъ Глаголицы и подвергнуть ихъ критическо-филологическому изслѣдованію, что и исполнилъ въ своемъ сочиненіи: «Древніе глаголическіе памятники» (С.-Петербургъ, 1866). Въ предисловіи къ этому труду онъ, между прочимъ, пишетъ: «на окончательное рѣшеніе вопроса о древности *Глаголицы*, сравнительно съ древностью *Кириллицы*, теперь еще менѣе могу рѣшиться чѣмъ прежде. Доказательства Гануша, Шафарика, Миклошича и другихъ [1]) почтенныхъ изслѣдователей, стоящихъ за древность *Глаголицы,* мнѣ кажутся столько же и поспѣшными и натянутыми, сколько остроумными и хитро сведенными» (стр. VI).

Въ 1865 году издано Глаголическое *Ватиканское* (Ассеманіево) Евангеліе-апракосъ, подъ заглавіемъ: «Assemanov ili Vatikanski Evangelistar», докторомъ Ф. Рачкимъ (съ предисловіемъ И. В. Ягича) въ Загребѣ.

Въ 1879 г. издано Глаголическое *Зографское* Четвероевангеліе И. В. Ягичемъ въ Вѣнѣ, въ кирилловской транскрипціи, съ предисловіемъ на латинскомъ языкѣ.

Въ 1883 году тотъ же ученый, уже будучи академикомъ русской Императорской Академіи Наукъ, издалъ ея иждивеніемъ и послѣднее изъ трехъ цѣльныхъ Глаголическихъ Евангелій — *Маріинское* (Григоровичево тожъ) въ кирилловской транскрип-

---

[1]) Слѣдуетъ здѣсь разумѣть: Копитара и его послѣдователей.

ціи, съ обширнымъ *изслѣдованіемъ,* относящимся какъ къ сему памятнику, такъ и къ двумъ прежнимъ, причемъ не забытъ и древнѣйшій памятникъ Кириллицы — наше Остромирово Евангеліе 1057 года.

Считая трудъ И. В. Ягича выше нашихъ похвалъ (въ филологическомъ отношеніи) и драгоцѣннымъ вкладомъ въ науку славянскаго языковѣдѣнія, мы охотно признаемъ, что авторъ въ своемъ *изслѣдованіи* ясно и убѣдительно доказалъ, что *Глаголическія Евангелія* (всѣ три весьма *близкія* одно къ другому) суть памятники древняго *сербо-хорватскаго* (точнѣе *хорватскаго*) нарѣчія X—XI вѣка.

Но мы не можемъ согласиться съ однимъ замѣчаніемъ И. В. Ягича, что древнѣйшій глаголическій памятникъ X вѣка — Зографское Евангеліе есть «вѣрнѣйшее зеркало «*старословѣнскаго* языка» (стр. 423)[1]). Не можемъ согласиться съ этимъ потому, что принять на вѣру это тенденціозное выраженіе значило бы согласиться и узаконить то значеніе выраженія: «старо-славянскій языкъ», которое сдѣлалось «условнымъ» у послѣдователей Копитара. Мы знаемъ, что подъ *старо-славянскимъ* языкомъ условлено разумѣть тотъ языкъ, на который, по мнѣнію Копитара, будто бы свв. Кириллъ и Меѳодій перевели въ *Панноніи* Евангеліе и богослужебныя книги, а изъ этого уже само собою истекаетъ заключеніе, что переводъ этотъ писанъ не Кириллицей, а Глаголицей и т. д., по пословицѣ: «чѣмъ дальше въ лѣсъ, тѣмъ больше дровъ».

Эти «паннонскія гаданія» Копитара, какъ мы уже упомянули выше, опровергнуты ясно и точно О. М. Бодянскимъ въ его сочиненіи «О времени происхожденія славянскихъ письменъ» (Москва, 1855, стр. 213—320) и И. И. Срезневскимъ въ его сочиненіи «Древніе глаголическіе памятники» (С.-Петербургъ, 1866, стр. 57—162). Выбравъ самыя типи-

---

[1]) Вмѣсто неопредѣленнаго «старословѣнскаго», стоило бы, по сущности же дѣла и слѣдовало бы, поставить *старо-хорватскаго* (нарѣчія) — и это было бы *вѣрно* и *всякаго пріятія достойно.*

ческія мѣста изъ разночтеній Глаголическаго (Ватиканскаго) Евангелія съ Остромировымъ и съ греческимъ текстомъ, нашъ извѣстный ученый славистъ и филологъ пришелъ къ заключенію, что: 1) переводъ какъ въ Кирилловскихъ, такъ и Глаголическихъ Евангеліяхъ одинъ и тотъ же; 2) текстъ Остромирова Евангелія *ближе* къ первоначальному кирилло-меѳодіевскому переводу (съ греческаго), чѣмъ текстъ Евангелій Глаголическихъ.

И такъ, признавая вмѣстѣ съ достопочтеннымъ И. В. Ягичемъ, что древнѣйшій памятникъ Глаголицы — Зографское Евангеліе есть вмѣстѣ съ тѣмъ и древнѣйшій памятникъ и вѣрнѣйшее зеркало сербо-хорватскаго (точнѣе просто хорватскаго) нарѣчія, мы вмѣстѣ съ Добровскимъ, Востоковымъ, Бодянскимъ и Срезневскимъ признаемъ, что наше *Остромирово* Евангеліе, какъ древнѣйшій памятникъ *церковно-славянскаго* языка, есть и вѣрнѣйшее его зеркало.

Держимся и совѣтуемъ другимъ крѣпко держаться того названія языка первоначальнаго кирилло-меѳодіевскаго перевода,— *церковно-славянскимъ*, которое придумано хорошо и вѣрно (къ устраненію всѣхъ притязаній племеннаго, «приходскаго», какъ удачно выразился О. М. Бодянскій, патріотизма) вышепоименованными лицами, а наипаче отцемъ русской филологіи, А. Х. Востоковымъ. Названіе же *«старо-славянскій»* есть выраженіе тенденціозное; оно отворяетъ калитку, ведущую на широкое поле Копитаровыхъ гаданій.

Въ 1884 году появилась ученая рецензія на послѣдній трудъ И. В. Ягича (Маріинское Евангеліе. С.-Петербургъ, 1883) профессора Варшавскаго университета А. С. Будиловича (см. Журн. Мин. Нар. Просвѣщенія 1884 г., часть 232. Критика и библіографія, стр. 152—169).

Рецензентъ въ своей статьѣ не оставилъ безъ вниманія вышеупомянутое нами пристрастіе г. Ягича къ паннонско-глаголической теоріи Копитара, и замѣтилъ, что оно нерѣдко мѣшаетъ ему быть *безпристрастнымъ* и въ его *филологическихъ* выводахъ.

«Г. Ягичъ — пишетъ г. Будиловичъ — считаетъ подтвержденіемъ своей «паннонской», а вмѣстѣ съ тѣмъ и глаголической теоріи, даже то обстоятельство, что существуютъ кирилловскіе кодексы того же грамматическаго и терминологическаго типа, что и глаголическіе, напримѣръ: Савина книга, Хвалево Евангеліе, Карпинское Евангеліе (стр. 475). Но кто же доказалъ или можетъ доказать, что эти кирилловскіе кодексы непремѣнно истекаютъ изъ глаголическихъ первоисточниковъ? Развѣ не возможно и обратное, то есть, происхожденіе Евангелій Зографскаго, Ассеманіева [1]), Маріинскаго, на ряду съ Савиною книгою, кодексами Хвалевымъ и Карпинскимъ изъ первоисточника кирилловскаго? Письменность кирилловская и глаголическая представляютъ, безспорно, два рукава одной и той же рѣки; но отсюда еще не слѣдуетъ, чтобы до раздѣленія потокъ этотъ имѣлъ непремѣнно характеръ глаголическій: возможно, *даже очень вѣроятно* (что и доказываетъ наше изслѣдованіе), противоположное» (стр. 167).

Касательно *выводовъ*, къ которымъ пришелъ г. Ягичъ, по разсмотрѣніи особенностей словообразованія и подбора словъ въ Глаголическихъ Евангеліяхъ, г. Будиловичъ справедливо замѣчаетъ: «руководящею нитью для варіантовъ и замѣчаній нашего автора (г. Ягича) служило и здѣсь, какъ индѣ, это непоколебимое убѣжденіе въ первенствѣ кодексовъ глаголическихъ передъ кирилловскими, въ большей оригинальности первыхъ и вторичности, подражательности послѣднихъ. То же убѣжденіе служитъ для г. Ягича и основнымъ критеріемъ при опредѣленіи сравнительной древности того или другаго термина, приставки, окончанія, хотя на словахъ (стр. 403) онъ и признаетъ при этомъ

---

[1]) Относительно сего Евангелія предположеніе г. Будиловича оказывается несомнѣнно вѣрнымъ: оно есть *передѣлка* (на хорватское нарѣчіе) съ кирилловскаго списка, писаннаго въ Охридскихъ предѣлахъ не позже 946 г. (судя по мѣсяцеслову), тогда какъ наше Остромирово Евангеліе (какъ оказывается по мѣсяцеслову) есть *списокъ* съ Евангелія, писаннаго также въ Охридскихъ предѣлахъ не позже 960 года.

первенствующее значеніе «соображеній о личности переводчиковъ и народности окружавшей ихъ среды». Встрѣчая, напримѣръ, въ средѣ варіантовъ два синонимные термина: *блюдо* и *миса*, изъ коихъ первое распространено главнѣйше у юго-восточныхъ славянъ, а второе — у сѣверо-западныхъ, нашъ авторъ (г. Ягичъ) не колеблется признать послѣднее болѣе древнимъ, забывая, что Кириллъ и Меѳодій были солуняне, проведшіе большую часть жизни (первый почти всю) на почвѣ греко-юго-славянской и, слѣдовательно, гораздо скорѣе знавшіе терминъ *блюдо*, чѣмъ *миса*[1]). Почти то же слѣдуетъ сказать и о *мнимомъ* первенствѣ формъ: *братръ* передъ *братъ, вельи* передъ *великъ, распѧтъ* передъ *пропѧтъ, балии* передъ *врачь, шоуи* передъ *лъвъ, ѧдро* передъ *скоро,* и т. п. Архаизмъ извѣстнаго термина не ручается самъ по себѣ за то, что именно онъ былъ употребленъ св. Кирилломъ или другимъ первоавторомъ какого либо церковно-славянскаго текста, такъ какъ архаизмы болѣе или менѣе равномѣрно—тогда, какъ и теперь, — были разсѣяны по всѣмъ славянскимъ нарѣчіямъ, и не соединены непремѣнно въ одномъ говорѣ, положимъ, родномъ для славянскихъ первоучителей. Искусственно же собирать отовсюду залежи старины имъ не было никакой надобности, такъ какъ они были практическіе дѣятели, а не какіе либо любители или собиратели древностей. Эти соображенія не могутъ быть упускаемы изъ виду при опредѣленіи сравнительной древности кодексовъ глаголическихъ и кирилловскихъ» (стр. 166—167).

Въ заключеніе своей рецензіи г. Будиловичъ говоритъ: «главною цѣлью г. Ягича было (во всей его филологической работѣ), по видимому, желаніе сдѣлать глаголическіе кодексы, хотя бы даже Маріинское Евангеліе (XI вѣка), основою для изученія *церковно-славянскаго языка* со стороны грамматической

---

[1]) То же самое слѣдуетъ замѣтить о преимущественномъ употребленіи у юго-восточныхъ славянъ греческаго слова *мгра*, а у сѣверо-западныхъ греческаго же слова *хризма*.

и терминологической, *оттѣснивъ на задній планъ кодексы кирилловскіе, особенно типа Остромирова Евангелія,* въ которомъ «*панноно-глаголисты*» видятъ самаго опаснаго соперника для Зографскаго и другихъ глаголическихъ кодексовъ той же редакціи. Задача эта однако не такъ легка; никому до сихъ поръ не удалось сдѣлать хотя одного столь блестящаго изданія глаголическихъ памятниковъ, какъ Востоковское изданіе Остромирова Евангелія. Едва ли и самъ г. Ягичъ станетъ отрицать, что всё же ни его Зографское, ни Маріинское Евангелія, не говоря уже объ Ассеманіевомъ въ изданіяхъ Рачкаго или Чернчича, при всѣхъ своихъ достоинствахъ, не могутъ стать въ рядъ съ монументальнымъ изданіемъ Востокова» (стр. 169).

II.

Гдѣ появился первоначальный *списокъ* Глаголическаго Евангелія или, что все равно, гдѣ надобно полагать родину *Глаголицы,* какъ одного изъ двухъ, нынѣ извѣстныхъ славянскихъ алфавитовъ? Когда и какія именно причины вызвали его появленіе? Послѣднее изслѣдованіе *Глаголическихъ* Евангелій (изъ которыхъ древнѣйшее относится къ исходу X или началу XI вѣка) И. В. Ягича указываетъ на необходимость искать родину Глаголицы, какъ алфавита, въ предѣлахъ Хорвато-Далматскаго государства, точнѣе же въ его приморской области — Далмаціи[1]), о чемъ свидѣтельствуетъ и извѣстная латинская легенда Діоклейца XII вѣка.

Помня во первыхъ, что оба наши незабвенные слависта: О. М. Бодянскій и И. И. Срезневскій высказались, что они считаютъ Глаголицу «явленіемъ IX вѣка», во вторыхъ, что писатель начала X вѣка, составившій «Сказаніе о славянскихъ письменахъ», монахъ Храбръ, ничего не знаетъ о Глаголицѣ и что вообще объ ея происхожденіи доселѣ нѣтъ никакого письменнаго сви-

---

[1]) Употребленіе въ Маріинскомъ Евангеліи слова *галія* (итал. galiотъ) вмѣсто ладія, корабль, — не указываетъ ли на мѣсто написанія этого кодекса въ приморской Хорвато-Далмаціи?

дѣтельства, мы полагаемъ, что для того, дабы приблизиться сколько можно къ рѣшенію предложенныхъ въ началѣ вопросовъ, слѣдуетъ отыскать въ церковно-политической исторіи Хорвато-Далматскаго государства IX вѣка такія обстоятельства, или такое событіе, которое наиболѣе очевидно должно было вызвать *явленіе,* нынѣ называемое *Глаголицею, глаголическою письменностію,* что мы и сдѣлаемъ, руководясь сербо-хорватскими источниками.

Начнемъ съ опредѣленія этнографическаго термина *Далмація* въ IX вѣкѣ.

Послѣ занятія славяно-сербскимъ племенемъ Византійской темы—Далмація простиралась отъ Драча до Истріи и отъ моря до Дуная; сербы истребили или поработили прежнихъ ея насельниковъ, и Діоклитіановы римляне, которые спаслись отъ этой участи въ приморскихъ городахъ, остались въ нихъ и долго владѣли ими исключительно.

Какіе это города, въ которыхъ тогда жили и которыми владѣли римляне (латины)?

Эти города суть: *Дубровникъ, Сплѣтъ, Трогиръ, Діадора, Арби, Бекса.* Жители этихъ городовъ и доселѣ называются *римлянами,* говоритъ Порфирогенитъ (гл. 29). И такъ, города, которые остались свободными отъ аварскихъ и славянскихъ завладѣній, и острова, къ нимъ прилежащіе, составляли то, что въ средніе вѣка называлось *Далмаціею;* она была подчинена Византіи, стратигъ которой имѣлъ свое пребываніе въ г. Задрѣ.

Въ этой прибрежной Далмаціи сохранился латинскій языкъ до конца XI вѣка, когда, ассимилировавшись съ сербами, они усвоили сербскій языкъ; но оффиціальнымъ языкомъ долго еще и послѣ того былъ языкъ латинскій.

Далмація (приморская и сухопутная) издревле принадлежала къ области Римскаго патріархата. Духовной столицей ея былъ сперва *Солинъ,* а по разореніи его (въ началѣ VII вѣка) близъ лежащій *Сплѣтъ,* на который были перенесены всѣ права и привиллегіи древней Солинской митрополіи. Первымъ сплѣтскимъ

архіепископомъ былъ Іоаннъ Равеннскій, котораго папа послалъ въ Далмацію для устройства ея церковныхъ дѣлъ, послѣ авароославянскаго погрома, между 600—638 г. Эта Сплѣтская архіепископія была цитаделью римопапизма и латинства, главнымъ проводникомъ ихъ вліянія и она-то, какъ увидимъ ниже, задушила въ корнѣ самостоятельное развитіе Хорвато-Далматской державы.

Когда свв. славянскіе первоучители Кириллъ и Меѳодій явились съ проповѣдью *славянской службы* и *кирилловской* церковной письменности въ Мораво-Паннонской державѣ, всѣ окрестные славяне рады были слышать слово Божіе и божественную службу на родномъ языкѣ. Далматинскіе сербы одни изъ первыхъ поспѣшили воспользоваться этимъ благодѣяніемъ для своего племени; они получили этотъ даръ отъ самихъ свв. первоучителей Кирилла и Меѳодія, съ чѣмъ согласны и латинскіе писатели, каковы напримѣръ: неизвѣстный по имени Діоклеецъ и Мавро-Урбинъ (Орбини). Вотъ почему православные далматинскіе сербы и доселѣ считаютъ св. Кирилла своимъ первоапостоломъ.

Введеніе у далматинскихъ сербовъ *славянскаго богослуженія* и *Кириллицы*, какъ надобно полагать, относится къ первому путешествію въ Римъ свв. братьевъ, по вызову папы Николая въ 867 году (вообще же между 862—867). Св. Кириллъ, какъ извѣстно, уже не вернулся изъ Рима, скончавшись тамъ въ 869 году, но за то братъ его св. Меѳодій, возвращаясь черезъ Далмацію къ своей мораво-паннонской паствѣ въ санѣ архіепископа, конечно не мало содѣйствовалъ утвержденію *славянской церкви*, насажденной св. Кирилломъ; когда же въ 877 г. Византія рѣшилась утвердить въ Хорвато-Далматскомъ княжествѣ наравнѣ съ политическимъ и свое церковное вліяніе, сербскія далматинскія общины съ славянскимъ богослуженіемъ и *кирилловскою* письменностію успѣли уже на столько окрѣпнуть, что могли (послѣ Сплѣтскихъ соборовъ 925—929 гг.) выдержать всѣ послѣдующія гоненія, не смотря на то, что тогда ихъ уже некому было защищать отъ гоненій *латинской* іерархіи, и доселѣ сохра-

нили святое наслѣдіе, завѣщанное имъ свв. первоучителями, разумѣю службу на славянскомъ языкѣ и *кирилловскую* письменность. Православные далматинскіе сербы нынѣ имѣютъ въ Далмаціи двѣ епископіи (въ Задрѣ и Которѣ), 14 монастырей и до 100,000 прихожанъ.

Въ *Хорватіи* дѣло водворенія славянской службы шло значительно медленнѣе, хотя къ 877 году, когда она въ лицѣ своего князя *Сдеслава* добровольно вступила въ политическое и церковное единеніе съ Византіею, мысль объ учрежденіи народной церкви уже достаточно созрѣла въ сознаніи хорватскаго народа. Оставалось явиться человѣку, способному и могущему осуществить ее.

Съ 870 года, какъ извѣстно, началась церковная распря между старымъ и новымъ Римомъ (Царьградомъ) за церковное преобладаніе надъ славянами Иллирійскаго полуострова. Римъ былъ сильно опечаленъ потерею *Болгаріи*, которая, послѣ рѣшенія Константинопольскаго собора (869 г.), приняла своего верховнаго архипастыря отъ Византіи, а тотъ поспѣшилъ устроить въ ней народную церковь и іерархію, посвятивъ епископовъ и священниковъ изъ славянъ и введя во всей Болгаріи *славянское богослуженіе* по *кирилловскимъ* книгамъ, то есть, по греческому обряду.

Положеніе церковныхъ дѣлъ въ Хорвато-Далмаціи грозило Риму той же опасностію; надобно было приготовиться: или уступить желанію славянъ относительно славянскаго богослуженія, или быть готовымъ потерять и здѣсь славянскую паству, какъ въ Болгаріи.

Къ 877 году на княжескій престолъ Хорватіи вступилъ съ помощію Византіи князь *Сдеславъ*, изгнавъ изъ Хорватіи сыновей своего предшественника, князя *Демагоя* († 876 г.). Сдеславъ, вступивъ на престолъ, пожелалъ скрѣпить свой союзъ съ Византіею болѣе крѣпкими узами и потому, объявивъ себя подвластнымъ византійскому императору, онъ лично предсталъ предъ нимъ. Византійскій же престолъ занималъ тогда Василій Македонянинъ. А какъ въ то же время на патріаршемъ престолѣ былъ

знаменитый *Фотій* и въ совѣтѣ съ нимъ царь рѣшилъ, чтобы во всѣхъ тѣхъ областяхъ, которыя признавали политическую власть Византіи, было возстановлено и церковное вліяніе оной, вслѣдствіе этого и въ Хорвато-Далмаціи послѣдовали важныя перемѣны въ церковномъ отношеніи, неблагопріятныя для римскаго первосвященника (папы).

Сплѣтское (латинское) архіепископство сдѣлалось *вакантнымъ*. Славянское богослуженіе ширилось и укрѣплялось у далматинскихъ сербовъ, при помощи священниковъ изъ славянъ, вѣроятно, прибывшихъ изъ Моравіи и состоявшихъ въ числѣ учениковъ св. Меѳодія.

Но, къ сожалѣнію, этотъ порядокъ вещей продолжался не долго. Въ 879 году въ Хорвато-Далматскомъ княжествѣ опять вспыхнулъ бунтъ: подручникъ Византіи князь Сдеславъ былъ убитъ *Бранимиромъ*, который и занялъ княжескій престолъ Хорватіи.

Нѣкто хорватскій діаконъ *Ѳеодосій*, сторонникъ Бранимира, рѣшился воспользоваться какъ церковной распрею Рима съ Византіей, такъ и внутренней неурядицею своего отечества, для осуществленія, давно таившейся въ умахъ людей народной хорватской партіи, мысли: учредить въ Хорватіи народную хорватскую церковь, подъ покровительствомъ не новаго, а стараго Рима, къ которому *искони* тяготѣла Хорватія, какъ получившая отъ него христіанство (въ VII вѣкѣ).

Хорватскому реформатору не трудно было привлечь на свою сторону новаго князя, который, свергнувъ съ престола подручника Византіи, долженъ былъ ожидать ея мщенія за убійство Сдеслава. Народное чувство, пробудившееся введеніемъ у далматинскихъ сербовъ *славянской службы*, горячо желало поскорѣе усвоить это благо и для Хорватіи, равно устраняясь чуждой по языку службы, будетъ ли то *латинская* или *греческая*. «Хитроумные римляне» (какъ ихъ называетъ одна изъ статей Кормчей) ясно понимали, что обстоятельства времени требовали отъ нихъ допущенія и въ Хорватіи, для удержанія надъ нею власти, цер-

ковной службы на славянскомъ языкѣ, какъ сіе уже было volens-nolens сдѣлано, въ видѣ исключенія, для Мораво-Панноніи, дабы не дать восторжествовать и здѣсь своему сопернику — Царьграду.

Но хлопотать у Рима о дозволеніи славянскаго богослуженія въ Хорватіи, какъ то было допущено имъ въ Мораво-Панноніи и терпимо отчасти въ Далмаціи, т. е. по кирилло-меѳодіевскимъ книгамъ греческаго обряда, Ѳеодосію казалось слишкомъ *просто* и *ненадежно*. Онъ мечталъ не только о введеніи въ Хорватіи *славянскаго богослуженія*, но и объ основаніи народной хорватской церкви, желая утвердить ее на *устояхъ* болѣе прочныхъ, нежели тѣ, которые видѣлись въ мораво-паннонскомъ дѣлѣ свв. Кирилла и Меѳодія и которые, казалось, уже были поколеблены упорнымъ гоненіемъ *мѣстнаго*, нѣмецкаго по происхожденію и *латинскаго* по вѣрѣ, духовенства, не смотря на личное покровительство св. Меѳодію самого папы.

Вотъ почему планъ Ѳеодосія объ учрежденіи народной хорватской церкви долженъ былъ имѣть, кромѣ явной, тайную цѣль: повести это дѣло такъ, чтобы народная хорватская церковь была учреждена безъ вѣдѣнія латинской Сплѣтской архіепископіи, поставлена въ независимое отъ нея положеніе; а это казалось ему тѣмъ возможнѣе, что въ 879 г. Сплѣтская архіепископія уже была *вакантною*, а *Далмація*, т. е. приморскіе римскіе города (оплотъ латинства), какъ въ политическомъ, такъ и въ церковномъ отношеніи, оставалась подъ властію Византіи, и Ѳеодосію не трудно было убѣдить князя Бранимира и его правительство, что, отложившись отъ Византіи, уже не слѣдъ было имѣть духовную столицу внѣ этнографическихъ предѣловъ государства. Однимъ словомъ, Ѳеодосій рѣшился, конечно склонивъ на свою сторону князя, вельможъ и духовенство, добиться отъ Рима того, чтобы онъ, въ санѣ хорватскаго епископа, сдѣлался примасомъ хорватской церкви, совершенно независимымъ отъ латинскаго Сплѣта.

Доказательствомъ этого служитъ то, что Ѳеодосій, по полученіи епископскаго сана (въ Римѣ) и утвержденіи своей каѳедры

въ тогдашней столицѣ Хорватіи, городѣ *Нинѣ*, послѣ смерти сплѣтскаго архіепископа Марина († 886 г.) немедленно сталъ хлопотать о подчиненіи себѣ Сплѣтской архіепископіи, путемъ избранія на оную, и даже готовъ былъ принять утвержденіе и получить палліумъ отъ олайскаго (аквилейскаго) митрополита, бывшаго въ церковномъ общеніи не съ Римомъ, а съ Царьградомъ (см. о семъ ниже). Этотъ эпизодъ изъ жизни и дѣятельности Θеодосія, оставившій слѣдъ и въ оффиціальныхъ документахъ римской церкви, всего лучше рисуетъ характеръ хорватскаго реформатора IX вѣка, свидѣтельствуя въ то же время объ обширности и смѣлости его затѣй.

Мы твердо убѣждены, что именно къ этому времени и событіямъ относится появленіе на свѣтъ *второй* славянской азбуки и письменности, которая нынѣ именуется *глаголическою* и которую, по свидѣтельству хорватскихъ писателей, хорватскій народъ искони называлъ и называетъ *своею*. А что *Глаголица*, какъ орудіе церковной письменности, появилась на свѣтъ не ранѣе 879—880 г., это еще недавно признавали сами *глаголиты*, ссылаясь на письменное свидѣтельство 1222 года, изъ котораго видно, что древнѣйшимъ памятникомъ *Глаголицы* была *Псалтырь*, писанная для сплѣтскаго архіепископа *Θеодора*[1]), между 880—890 г.г. [2]).

Ревнуя славѣ свв. Кирилла и Меθодія, Θеодосій думалъ прославиться, повторивъ ихъ дѣло въ *иной* формѣ, полагая, по вышесказанному, создать болѣе *прочные*, какъ онъ мнилъ, *устои* для этого дѣла, то есть, опереться на непосредственныя отношенія къ Риму и, вступивъ въ добровольную и свободную съ нимъ *унію*, *увѣковѣчить* въ Хорватіи славянское богослуженіе съ *глаголическою*, имъ введенною, письменностію.

---

[1]) Не *Θеодосія ли*, *избраннаго* (дѣйствительнымъ онъ едва ли былъ когда либо) сплѣтскимъ архіепископомъ въ 886 году? Если такъ, то принадлежность ему вышеупомянутой *Глаголической* Псалтыри весьма естественна.

[2]) А что еще въ XV вѣкѣ *латиняне* признавали *Глаголицу* не *первою*, а *второю* (по Кириллицѣ) славянскою азбукою, доказываетъ латинская рукопись Пражской библіотеки, писанная въ 1434 году, гдѣ приведена *глаголическая азбука* съ подписаніемъ: «alphabetum *secundum* Slavonicum» (см. Pismo slovensko, Фр. Рачкаго. Загребъ, 1866, стр. 64).

Угождая народу, онъ *составилъ* свою новую *глаголическую* азбуку (объ элементахъ ея подробно см. ниже) изъ *знаковъ*, бывшихъ въ народномъ употребленіи, *передѣлалъ* кирилловскій текстъ св. Евангелія на народное хорватское нарѣчіе, всю эту *передѣлку* согласилъ по возможности (поспѣшно и поверхностно, о чемъ см. ниже) съ латинской вульгатой, дабы можно было выдавать непосвященнымъ (своимъ и чужимъ) эту передѣлку за новый, самостоятельный трудъ, предпринятый и совершенный какъ въ пользу родины, такъ и во славу римской церкви, для тѣснѣйшаго соединенія съ нею, отличный отъ труда кирилло-меѳодіевскаго, ненавистнаго латинскому духовенству уже по одному тому, что онъ имѣлъ прямое отношеніе къ Византіи. А какъ само по себѣ дѣло было спѣшное, то необходимыя для введенія славянскаго богослуженія церковныя книги, какъ-то: Псалтырь, Служебникъ, Часословъ, Октоихъ и проч., Ѳеодосій просто переписалъ на Глаголицу (какъ доказываютъ это уцѣлѣвшіе случайно отрывки оныхъ) съ кирилловскихъ текстовъ.

Планъ Ѳеодосія былъ задуманъ по славянски, — обширно и смѣло. Очевидно, онъ расчитывалъ удовлетворить *всѣхъ* и *вся*.

1) По убѣжденію Ѳеодосія, основанному конечно и на положительныхъ свѣдѣніяхъ, *Римъ*, т. е. папа, долженъ будетъ такъ обрадоваться возвращенію Хорватіи подъ его власть, что *славянская служба* будетъ разрѣшена хорватской церкви безъ всякаго прекословія, тѣмъ болѣе, что ново-составленная азбука (Глаголица) измышлена съ цѣлью *сблизить* посредствомъ нея переводъ Слова Божія (св. Евангелія) съ латинскою вульгатою, для отдаленія глаголическаго евангельскаго текста отъ кирилло-меѳодіевскаго перевода (съ греческаго), въ которомъ латинское духовенство уже начало тогда заподозрѣвать руку Византіи.

2) Хорватскій народъ долженъ быть польщенъ тѣмъ, что, съ появленіемъ на свѣтъ новой азбуки и передѣлки евангельскаго текста на народное нарѣчіе, онъ получитъ не только *славянское богослуженіе*, но и Слово Божіе (св. Евангеліе) на своемъ собственномъ нарѣчіи, столь любезномъ его слуху. Главнымъ же

образомъ имѣлось въ виду, что учрежденіе народной церкви съ славянскимъ богослуженіемъ и особой азбукой *сблизитъ* съ народомъ отколовшійся отъ него въ теченіе двухъ съ половиною вѣковъ, подъ вліяніемъ латинской церкви и культуры, верхній слой, хорватскую интеллигенцію, и доставитъ торжество *народной партіи*, которая, въ союзѣ съ своею церковію и опираясь на ея вліяніе, сплотитъ въ одно цѣлое всѣ сословія и создастъ хорватское государство, равно независимое какъ отъ Востока, такъ и отъ Запада.

3) Съ *латинскимъ* духовенствомъ римскихъ городовъ Далмаціи (среди которыхъ находилась доселѣ духовная столица Хорвато-Далмаціи, — латинскій Сплѣтъ) Θеодосій надѣялся *уладить* дѣло тѣмъ, что: а) въ годъ учрежденія народной церкви Далмація находилась еще въ подчиненіи Византіи и не могла, если бы и пожелала, тотчасъ послѣдовать примѣру Хорватіи (т. е. отдѣлиться отъ Византіи); б) престолъ Сплѣтской латинской архіепископіи, въ силу церковнаго вліянія Византіи, въ 879 г. былъ *вакантнымъ*, слѣдовательно мѣшаться въ церковныя дѣла хорватской церкви было некому. Притомъ же Римъ былъ недоволенъ епископами приморскихъ городовъ за то, что они не спѣшили послѣдовать примѣру Хорватіи — возвратиться подъ его власть, и не прочь былъ наказать ихъ за *медленіе*, — исключительными уступками въ пользу народной хорватской церкви, въ ущербъ ихъ правамъ.

По всѣмъ этимъ соображеніямъ Θеодосій не могъ особенно тревожиться въ началѣ своего дѣла тѣмъ, въ какое отношеніе станетъ къ его затѣѣ латинское духовенство римскихъ приморскихъ городовъ, надѣясь, что, до начала неизбѣжной борьбы съ нимъ за славянскую паству, онъ успѣетъ утвердить, непосредственнымъ сношеніемъ съ Римомъ, независимость новоучрежденной народной хорватской церкви. Въ случаѣ же перемѣны обстоятельствъ, то есть, если римскіе города Далмаціи, вслѣдъ за Хорватіей, возвратятся подъ церковную власть Рима, Θеодосій надѣялся, что онъ съ помощію князя Бранимира и народной хор-

ватской партіи такъ или иначе съумѣетъ отстоять независимость хорватской славянской церкви отъ верховенства латинской Сплѣтской архіепископіи. Изъ этого видно, что всемогущее славянское *авось* и въ то время играло не малую роль въ затѣѣ хорватскаго реформатора, и оно-то и погубило его дѣло.

4) Съ далматинскими сербами, твердо державшимися наслѣдія свв. Кирилла и Меѳодія, т. е. славянскаго богослуженія и кирилловской письменности, Ѳеодосій надѣялся сохранить миръ, убѣдивъ ихъ, что новая азбука и письменность (глаголическая) отличаются отъ кирилловской только по *формѣ*, и что славянская служба и въ хорватской церкви будетъ совершаться по восточному обряду, то есть, по Служебнику и прочимъ кирилловскаго перевода книгамъ, а не по Миссалу, Бревіарію и Ритуалу.

Нѣтъ причины удивляться тому, что въ современныхъ оффиціальныхъ документахъ римской церкви нѣтъ упоминанія о *частностяхъ* того событія, которое называется учрежденіемъ народной хорватской церкви въ 879—880 г., тогда какъ въ нихъ нѣтъ также упоминанія о *существенной* сторонѣ этого событія, разумѣемъ неразрывно связанную съ нимъ *привилегію славянскаго богослуженія*, которое и составляло цѣль и душу всего этого дѣла. Причина этого *умолчанія*, или, точнѣе сказать, *уничтоженія* всѣхъ относящихся къ учрежденію народной хорватской церкви актовъ — очевидна, тогда какъ самый фактъ общеизвѣстенъ и не подлежитъ ни малѣйшему сомнѣнію.

Разскажемъ постепенный ходъ событія, называемаго учрежденіемъ народной хорватской церкви (съ славянскимъ богослуженіемъ и глаголическою письменностію), придерживаясь, съ *фактической стороны*, сочиненія извѣстнаго хорватскаго ученаго Ф. Рачкаго: «О внутреннемъ состояніи Хорватіи до XII вѣка» (Rad Jugoslavenske Akademije. 1866 г. Knjiga LXXIX, p. 135—184).

Приступивъ къ осуществленію широкаго и грандіознаго плана, начертаннаго смѣлою рукою хорватскаго реформатора, діакона Ѳеодосія, избраннаго народною партіею въ епископы города *Нина*, тогдашней столицы Хорватіи, князь Бранимиръ от-

правляетъ въ Римъ особаго посланца, нѣкоего попа Іоанна, съ письмами къ папѣ Іоанну VIII отъ себя и отъ Θеодосія, будущаго примаса народной хорватской церкви, епископа Нинской епархіи, съ просьбою утвердить его въ семъ санѣ. Бранимиръ увѣрялъ папу, что онъ искренно желаетъ быть вѣренъ св. Петру и его преемнику. Θеодосій изъявлялъ свою «преданность и вѣрность церкви св. Петра и папѣ».

Какую радость ощутилъ Іоаннъ VIII отъ обращенія Хорватіи въ его апостолическое лоно, видно изъ его отвѣтныхъ писемъ 7 іюня 879 г. къ князю Бранимиру, Θеодосію, священству и всему хорватскому народу. Въ Римѣ, гдѣ такъ живо чувствовалась потеря Болгаріи и гдѣ еще продолжали стараться объ ея возвращеніи, неожиданное обращеніе Хорватіи было принято съ великою радостію. «Такъ какъ ты, —писалъ папа князю—, съ помощію Божіею, какъ возлюбленный сынъ, желаешь быть вѣренъ св. Петру и намъ, который милостію Божіею есть его намѣстникъ, и исповѣдуешь намъ свою покорность, мы настоящимъ письмомъ восхваляемъ твое благородство, и съ отеческою любовію, какъ предорогого сына, возвращающагося подъ кровъ святой апостольской столицы, твоей матери, изъ чистаго источника коей твои предки пили медвенно текущую проповѣдь, — принимаю и обнимаю тебя духовнымъ объятіемъ и апостольскою доброласковостію желаемъ тебя ущедрить, дабы милость и благословеніе святыхъ первоверховныхъ апостоловъ Петра и Павла и паче надъ тобою изліялась обильно, да отъ твоихъ видимыхъ и невидимыхъ враговъ, которые не перестаютъ строить козни и засады и препятствовать человѣческому спасенію, во вѣки будешь свободенъ и обезпеченъ, дабы легче могъ получить желаемую надъ врагами побѣду. Твое приглашеніе, чтобы я благословилъ тебя своими апостольскими устами для умноженія твоего спасенія, мы съ радостію исполнили, ибо, когда въ день Вознесенія Господня на алтарѣ св. Петра мы служили, во время священной миссы, воздвигнувъ горѣ руки, благословили тебя и весь народъ твой и всю державу твою, да здѣсь и въ вѣчности, тѣломъ и вкупѣ душею,

спасенъ будешь, и возможешь также земнымъ удѣломъ, которымъ правишь, владѣть счастливо и дабы послѣ кончины въ небесномъ предѣлѣ съ Богомъ водвориться, счастливо пребывать и царствовать во вѣки» (Documenta, p. 8).

Въ томъ же смыслѣ папа писалъ къ «священству» и «хорватскому народу», радуясь, что они желаютъ возвратиться въ свою «римскую церковь». Въ письмѣ къ Ѳеодосію (Documenta, p. 13) папа увѣдомляетъ его, «чтобы онъ не заботился о своемъ посвященіи, ибо самъ онъ, папа, намѣренъ посвятить его». Не забудемъ, что въ это время Сплѣтская архіепископія была *вакантна* и папа могъ опасаться, что Ѳеодосій, пожалуй, станетъ искать посвященія у олайскаго (аквилейскаго) митрополита, ставшаго во время борьбы Рима съ Византіею на сторону послѣдней.

Эти письма папа послалъ съ упомянутымъ попомъ Іоанномъ, которому вручилъ также письмо къ болгарскому князю Борису-Михаилу, почему и просилъ Бранимира, чтобы онъ дозволилъ Іоанну исполнить это порученіе. Изъ этого видно, что папа тогда еще не потерялъ надежды снова привлечь къ себѣ болгаръ, такъ какъ теперь привлекъ Хорватію, и если бы сіе удалось ему, тогда два самыя великія балканскія племени служили бы самою крѣпкою охраною Рима отъ натиска грековъ.

Но съ Хорватіею еще не возвратились къ Риму епископы и священство Далмаціи (римскіе города). Здѣсь вліяніе Восточной Имперіи еще держалось твердо. Папа Іоаннъ VIII не упустилъ случая, когда посланецъ Бранимира, попъ Іоаннъ, возвращался въ Хорватію, отправить также съ нимъ письмо къ епископамъ, священству и жителямъ Далмаціи. Въ этомъ письмѣ отъ 10 іюня 879 года, писанномъ на имя епископовъ: Виталія задрскаго, Доминика осорскаго и на имя архипресвитера Іоанна, управлявшаго дѣлами вакантной Сплѣтской архіепископіи, папа уговаривалъ ихъ, чтобы они возвратились къ столицѣ св. Петра, которая есть де глава и учительница всѣхъ Божіихъ церквей, напоминаетъ имъ, какою благостынею пользовались ихъ предшественники, которые удалялись въ Римъ, и сколько зла они терпятъ съ тѣхъ

поръ, какъ они отъ него отступили; приглашаетъ ихъ, чтобы они избрали архіепископа въ Сплѣтъ, котораго онъ, по древнему обычаю, утвердитъ и пришлетъ ему палліумъ. «Если же, присовокупляетъ папа, глядя на *грековъ* и *славянъ*, того ради сомнѣваетесь возвратиться къ намъ, или что отъ нихъ (нѣкоторые) приняли посвященіе и палліумъ, — знайте воистину, что мы желаемъ, по обязанности св. отца и нашихъ предшественниковъ, властію помогать вамъ утвердиться». Изъ этого видно, что въ Римѣ знали, что возвращеніе къ Риму Далмаціи могло встрѣтить отпоръ со стороны Византіи и тѣхъ славянъ (сербовъ), которые, со времени введенія у нихъ св. Кирилломъ славянскаго богослуженія и кирилловской письменности, болѣе дорожили церковнымъ общеніемъ съ Византіею, чѣмъ съ Римомъ.

Наконецъ, послѣ таковыхъ милостивыхъ рѣчей, папа угрожаетъ, что въ случаѣ если епископы, священство и граждане Далмаціи не возвратятся вскорѣ къ Риму и сганутъ искать посвященія своего сплѣтскаго архіепископа въ *иномъ* мѣстѣ, въ такомъ случаѣ они будутъ «отлучены отъ церкви» и провозглашены какъ «измѣнники» закону и какъ «непокорные». Это письмо было вручено попу Іоанну передъ самымъ отъѣздомъ его изъ Рима и сопровождалось устнымъ наставленіемъ самого папы. (Интересно было бы знать: зналъ ли все это Ѳеодосій, мечтавшій съ помощію Рима сдѣлаться примасомъ хорватской церкви, независимымъ отъ Сплѣта?). Письма, отправленныя съ попомъ Іоанномъ хорватскому князю, Ѳеодосію, священству и всему хорватскому народу, нашли благопріятный отзывъ въ Хорватіи. Здѣсь было рѣшено: дѣло единенія (уніи) съ Римомъ, начатое столь успѣшно, продолжать и довершить. Съ этою цѣлью Ѳеодосій немедленно отправился въ Римъ, согласно вызову папы, для *посвященія* и дабы «засвидѣтельствовать вѣрность и преданность столицѣ св. Петра и папѣ» всей Хорватской державы. Ѳеодосій былъ принятъ милостиво и торжественно посвященъ въ епископы хорватской столицы *Нина*, получилъ право отправленія *славянской службы*, по примѣру Мораво-Паннонской архі-

епископіи, и обѣщаніе устроить все остальное согласно съ его заявленіями и благими дѣяніями (къ числу которыхъ, безъ сомнѣнія, была причтена и составленная имъ *Глаголица*). Оставалось одно: придать этой добровольной славянской уніи съ Римомъ возможно торжественное оказательство. Поэтому папа письмомъ 880 г. (Documenta, p. 13) приглашаетъ князя Бранимира, жупановъ, епископа Θеодосія, священство и хорватскій народъ прислать въ Римъ своихъ избранныхъ мужей, которые бы за всю Хорватскую землю заявили возвращеніе Хорватіи къ святой столицѣ, и обѣщаетъ, что онъ съ своей стороны, при ихъ возвращеніи въ Хорватію, пришлетъ съ ними своего легата, которому, по обычаю римской церкви, весь народъ дастъ клятву въ вѣрности Риму и папству.

Въ Римѣ, очевидно, желали, какъ показываетъ письмо, чтобы соглашеніе съ Хорватіею было *гласно* и объявлено торжественно, имѣя, конечно, въ виду то тяжелое впечатлѣніе, которое эта вѣсть произведетъ на соперника — Царьградъ.

Какъ это дѣло,—устройство народной хорватской церкви,—велось на мѣстѣ, замѣчаетъ г. Рачкій, по документамъ неизвѣстно. Остались неизвѣстными и тѣ *вопросы* Θеодосія и *отвѣты* на нихъ Рима, о которыхъ упоминается въ письмѣ папы 880 года, и которые, если бы сохранились, много освѣтили бы это любопытное дѣло, и конечно не къ выгодѣ Рима, чѣмъ и объясняется всего скорѣе ихъ исчезновеніе.

Какъ бы ни было, но дѣло единенія съ Римомъ Хорватіи было устроено съ меньшимъ затрудненіемъ, чѣмъ въ Далмаціи. Документы молчатъ о томъ, какой отзывъ нашло въ византійской Далмаціи вышеупомянутое письмо папы Іоанна VIII. Извѣстно лишь, что въ архіепископы сплѣтскіе былъ избранъ *Маринъ*, хотя также неизвѣстно, отъ кого принялъ онъ утвержденіе и палліумъ, отъ Рима или отъинуду. Болѣе извѣстно объ его преемникѣ, которымъ (въ 886 г.) былъ *избранъ* вышеупомянутый нинскій епископъ Θеодосій. Впрочемъ, Θеодосій не искалъ своего утвержденія и палліума въ Римѣ, но

въ Олаѣ (Аквилеѣ)[1]. Престолъ же Олайской митрополіи занималъ тогда Вальбертъ, и во время борьбы между старымъ и новымъ Римомъ былъ союзникомъ сего послѣдняго, разсчитывая при этомъ получить въ награду за свою приверженность къ Византіи — управленіе и далматскою церковью (Сплѣтомъ).

Еще въ 877 году папа Іоаннъ VIII звалъ Вальберта въ Римъ, чтобы онъ оправдался передъ церковнымъ соборомъ, а патріархъ Фотій, вступивъ на престолъ послѣ Игнатія, завелъ съ Вальбертомъ переписку и приглашалъ его исключить изъ Сѵмвола вѣры «filioque». Такимъ образомъ Вальбертъ, по смерти Марина (886 г.), рѣшился усвоить себѣ право, которое издревле принадлежало Риму, — поставленіе на сплѣтскую каѳедру архіепископа.

Изъ письма папы Стефана въ 886—887 году видно, что вышеупомянутый нинскій епископъ Ѳеодосій искалъ, въ качествѣ *избраннаго* на Сплѣтскую архіепископію, получить утвержденіе и палліумъ отъ олайскаго (аквилейскаго) митрополита. Папа, съ своей стороны, чтобы отвлечь Ѳеодосія отъ его намѣренія, обѣщалъ ему самъ дать палліумъ, если только онъ для сего лично прибудетъ въ Римъ (Pismo въ Starine, XII, 219). Вотъ послѣднее *документальное* извѣстіе о *Ѳеодосіи*. Мы полагаемъ, что онъ едва ли рѣшился ѣхать за палліумомъ въ Римъ, ясно видя, къ чему клонится дѣло. Вѣроятнѣе, что онъ вовсе не былъ никѣмъ *утвержденъ* въ званіи сплѣтскаго (латинскаго) архіепископа и покончилъ свои дни въ родномъ *Нинѣ*, томимый предчувствіемъ, что воздвигнутое имъ съ такимъ трудомъ зданіе, на непрочномъ фундаментѣ излишняго довѣрія къ обѣщаніямъ

---

[1]) Если Ѳеодосій искалъ занять престолъ Сплѣтской (латинской) архіепископіи, то очевидно не по честолюбію, а для того, чтобы, сосредоточивъ въ своихъ рукахъ духовную власть надъ церквами Хорвато-Далмаціи, создать, подъ верховною властію Рима, единую, нераздѣльную хорвато-далматскую церковь съ славянскимъ богослуженіемъ и своею излюбленною глаголическою письменностію, съ резиденціею примаса этой *народной* церкви не въ латинскомъ Сплѣтѣ, а въ славянскомъ Нинѣ. Но не того желалъ Римъ!

Рима, — близится къ своему разрушенію, по силѣ *«перемѣнившихся обстоятельствъ»*[1]).

Какъ бы ни было, но въ 890-хъ годахъ преемникомъ Θеодосія на каθедрѣ Нинской хорватской епископіи является епископъ *Альфредъ*. Вражда между латинскимъ Сплѣтомъ и славянскимъ Ниномъ продолжается, и изъ глухой, скрытной, обращается въ явную и открытую, по слѣдующему случаю: предметомъ спора была земля, которую нѣкогда князь *Терпимиръ* (837 — 844) далъ Сплѣтской архіепископіи. Нинскій владыка хотѣлъ присвоить эту землю на томъ основаніи, что она дана была, какъ значилось въ грамотѣ, въ временное *пользованіе*, пока не будетъ уплаченъ долгъ. Сплѣтская же архіепископія утверждала, что Терпимиръ уступилъ ей эту землю по завѣщанію на *вѣчныя времена*.

Требовалось, чтобы споръ этотъ разсудилъ хорватскій князь Мутимиръ, потому что уступленная земля была *regalis territoria*.

Нинскій народный хорватскій владыка и народная партія надѣялись на благопріятное имъ рѣшеніе, потому что на ихъ сторонѣ была *правда*, ибо въ самой грамотѣ Терпимира было сказано по этому поводу, что эта земля уступается римской Сплѣтской архіепископіи на *нѣкоторое время* (singulis annis).

---

[1]) Этими «перемѣнившимися» въ пользу Рима обстоятельствами были: кончина папы Іоанна VIII († 882 г.), избаловавшаго, по мнѣнію латинъ, славянъ своими (прибавимъ: невольными) уступками; смерть покровителя народной хорватской идеи и епископа Θеодосія—хорватскаго князя Бранимира (въ 888 г.); въ Византіи смерть императора Василія Македонянина († 886 г.) и вторичное удаленіе съ патріаршаго престола энергическаго стоятеля за православіе — Фотія (886 г.). (Въ 885 г. скончался и св. Меθодій, учредитель славянскаго богослуженія въ Мораво-Панноніи и Чехіи, распространившагося оттуда и у восточныхъ славянъ). Соперничество съ Римомъ сперва ослабѣло, а потомъ установился modus vivendi, по которому Византія предоставила папѣ устраивать церковныя дѣла въ западной части Балканскаго полуострова по его усмотрѣнію. Надобность въ *невольныхъ* уступкахъ славянамъ, значитъ, миновалась, и *славянское богослуженіе*, какъ важнѣйшая изъ этихъ уступокъ и наиболѣе опасная для централизаціонной политики Рима, подверглось сперва стѣсненію, а потомъ и открытому гоненію (начиная со Сплѣтскаго собора 925 г.), причемъ *Глаголица*, говоря простымъ русскимъ языкомъ, попала подъ одинъ обухъ съ *Кириллицей*, болѣе ея ненавистной лишь потому, что она шла изъ Византіи.

Отъ подписи князя зависѣла судьба и самостоятельность хорватской народной церкви. Но, къ сожалѣнію, хорватскій властодержецъ разсудилъ криво, т. е., что право на сторонѣ римской Сплѣтской архіепископіи. Мутимиръ тогда не зналъ, какое онъ зло готовитъ своему же отечеству, что обнаружилось вскорѣ.

Духовная борьба *Сплѣта* съ *Ниномъ* продолжалась и вызвала наконецъ соборъ въ *Сплѣтѣ*. Соборъ этотъ созванъ по предложенію папы, вслѣдствіе обращенія къ нему сплѣтскаго архіепископа съ подчиненными ему епископами и князей *Томислава* хорватскаго и *Михаила* захлумскаго съ ихъ уже давно олатинившимися вельможами, около 925 года (см. Farlati, III, 92—93). Отвѣчая на посланіе архіепископа и его суфрагановъ, папа замѣтилъ, между прочимъ, что христіане ихъ паствы, уклоняясь отъ Евангелія и постановленій соборныхъ и апостольскихъ, *увлекаются къ ученію Меѳодія, котораго нѣтъ между священными писателями*. Вслѣдствіе этого папа предложилъ далматинскому духовенству, вмѣстѣ съ его легатами епископами Іоанномъ анконскимъ и Львомъ праностинскимъ, постараться, чтобы служба совершалась *въ землѣ славянской по обычаю римской церкви на языкѣ латинскомъ, а не на чуждомъ*, (non autem in extranea). Этимъ посланіемъ дано было направленіе совѣщаніямъ и рѣшеніямъ собора. Десятою статьею его утверждено *полное запрещеніе славянскаго языка въ богослуженіи*, а другою статьей запрещено возводить *славянъ* въ санъ священника [1]).

Въ связи съ этими постановленіями Сплѣтскаго собора было другое, касавшееся подчиненности всѣхъ епископовъ хорватодалматинскихъ архіепископу сплѣтскому, вызванное неповиновеніемъ ему *нинскаго* епископа *Григорія*. Этотъ епископъ, считая

---

[1]) Далматинскіе сербы не приняли постановленій Сплѣтскаго собора 925 года и, начиная съ этого времени, прекратили всякія сношенія съ Римомъ. Такимъ образомъ прямымъ послѣдствіемъ постановленій Сплѣтскаго собора 925 года было отдѣленіе, въ церковномъ отношеніи, сербовъ отъ хорватовъ. Нынѣ въ Далмаціи *православіе* сохраняется лишь среди сербскаго и греческаго населенія.

себя пастыремъ хорватовъ, думалъ не только о своей личной независимости, но и о *сохраненіи славянскаго богослуженія для своей паствы* (Farlati, IV, 212—214). Онъ протестовалъ противъ рѣшенія Сплѣтскаго собора 925 г., вызвалъ другой Сплѣтскій соборъ 928—29 года, *и всё-таки ничего не успѣлъ*, говоритъ Фарлати (213—214). А Нинское славянское (глаголическое) епископство было совсѣмъ уничтожено, вся *Хорватія* подчинена была Солинской митрополіи (Сплѣту) [1]). Папа Іоаннъ не дожилъ до этого торжества: постановленія этого *втораго* собора, направленнаго противъ *славянской* народной церкви, были утверждены уже его преемникомъ *Львомъ* (съ 928 г. до февраля 929). Князь хорватскій *Томиславъ* получилъ за свое содѣйствіе въ этомъ дѣлѣ — *королевскій титулъ*, т. е. продалъ за земныя блага народную совѣсть и душу.

Приговоры Сплѣтскихъ соборовъ 925 и 929 гг., если и были исполняемы, то не вездѣ, и если вездѣ, то не долго. Въ началѣ второй половины XI вѣка оказалась нужда въ новомъ соборѣ. Свѣдѣнія объ этомъ новомъ соборѣ даетъ Historia Salonitana Ѳомы архидіакона, относящаяся къ концу 1059 или 1061 года. На этомъ соборѣ, въ числѣ многихъ другихъ постановленій, рѣшено, чтобы служба *никакъ не совершалась на языкѣ славянскомъ*, а только на латинскомъ (для глаголитовъ) и греческомъ (для кирилловцевъ), т. е. для тѣхъ двухъ вѣроисповѣдныхъ славянскихъ группъ, которыя существуютъ въ Хорвато-Далмаціи и понынѣ, и чтобы никто изъ *славянъ* не былъ возводимъ въ санъ священника. При этомъ замѣчено было, что готскія письмена (въ смыслѣ еретическихъ, аріанскихъ) были изобрѣтены какимъ-то еретикомъ Меѳодіемъ, который де многое написалъ ложно противъ правилъ католической вѣры на славянскомъ языкѣ. Вслѣдъ за этимъ рѣшеніемъ все *славянское священство* было поражено большою скорбію, потому что всѣ ихъ церкви были заперты (Farlati, III, 130).

---

[1]) Нинскій епископъ Григорій былъ переведенъ въ Скардонскую епархію, какъ это видно изъ папской грамоты 928 года.

И это рѣшеніе, вѣроятно, не могло снова удержаться на долгое время. Прошло еще столѣтіе, и состоялось новое рѣшеніе—*въ пользу славянскихъ церквей*. Въ просьбѣ своей къ папѣ (Иннокентію IV) сѣнгскій (ценгскій) хорватскій епископъ объяснилъ, что въ землѣ Славонской (Хорватской) есть *свои особенныя книги* (literae speciales), которыя клирики этой земли считаютъ доставшимися имъ отъ блаженнаго Іеронима (рѣчь идетъ очевидно о *Глаголицѣ*) и которыми пользуются при отправленіи божественной службы (съ 879 года), и что поэтому онъ, епископъ, и проситъ дозволить ему совершать богослуженіе по этимъ книгамъ. Папа Иннокентій IV далъ на это свое согласіе въ посланіи отъ 29 марта 1248 года съ оговоркою, чтобы это дѣлалось только тамъ, гдѣ дѣлалось по прежнему обычаю, и не нарушало закона (Annal. Raynald. 590), то есть, чтобы служба совершалась по латинскому обряду. И доселѣ *глаголиты* Сѣнгско-Мадруштской діоцезіи пользуются симъ правомъ, служа по глаголическимъ книгамъ: Миссалу, Бревіарію и Ритуалу.

Такова краткая исторія того церковно-политическаго событія второй половины IX вѣка (879—880 г.), которое вызвало появленіе на свѣтъ *глаголической* письменности.

III.

Обращаясь къ азбукѣ глаголической, отмѣтимъ, чѣмъ *сходна* и чѣмъ *отличается* она отъ Кириллицы:

1) Большая часть ея буквъ по своей формѣ отличается не только отъ кирилловскихъ, но и отъ другихъ извѣстныхъ. Сходны съ кирилловскими: *д*, *х*, *м*, *п*, *ф*, *ш* (прямо взята изъ нея, прочія съ нѣкоторымъ видоизмѣненіемъ въ очертаніяхъ). Иныя отличны отъ нихъ только положеніемъ, или опущеніемъ нѣкоторыхъ чертъ, между тѣмъ какъ главное очертаніе остается то же, таковы: *е* (э), *ж* (ж), *о* (ꙋ), *к*, *т*. Иныя похожи на наши скорописныя, таковы: ɒ (срав. стар. *в*) и *ю*. Иныя, будучи сходны по формѣ, имѣютъ другое значеніе: ѧ употребляемое вмѣсто *ѣ*,

є вмѣсто ѧ, *ъ* вмѣсто *р* (слѣдовательно сходственныхъ такъ или иначе съ кирилловскими въ Глаголицѣ 14 буквъ).

2) Подборъ буквъ тотъ же: отличены между прочимъ и ѕ отъ *з*, ѡ отъ *о*, недостаетъ впрочемъ ѯ, ѱ. Прибавленъ особый знакъ для *ј* (=*и*, к: смиј, сије — вмѣсто смии, сиѥ), который замѣняетъ старо-славянское *жд* и *г* (ројство, анјелъ — вмѣсто: рождьство, ангелъ).

3) Порядокъ буквъ также одинаковъ, какъ можно видѣть изъ ихъ примѣненія къ употребленію цифирному. Это примѣненіе буквъ къ обозначенію чиселъ также доказываетъ близкое сходство обѣихъ азбукъ: разница значенія буквъ въ этомъ отношеніи происходитъ отъ того, что въ Кириллицѣ взяты для цифръ преимущественно греческія буквы, а въ Глаголицѣ—всѣ буквы по порядку.

4) Характеръ правописанія также одинъ и тотъ же. Сложныя буквы сложены такимъ же образомъ: *оу* изъ *о* и *у* (или изъ *о* и *и*), *щ* изъ *ш* и *т*, *ы* изъ *ъ* и *и*, ѩ изъ *и* и ѧ, а ѭ изъ *и* и ѫ. Замѣчательно, что и для ѫ употребленъ сложный знакъ — изъ *о* и ѧ (см. статью И. И. Срезневскаго: «Древнія письмена славянскія», Журн. Мин. Нар. Просв. 1848 г., іюль, стр. 49—50).

Для насъ особенно важно первое изъ этихъ указаній такого опытнаго филолога, какимъ былъ покойный И. И. Срезневскій: что въ *глаголическомъ* алфавитѣ, по его изслѣдованію, *оказываются* изъ всего числа буквъ онаго 14 такъ или иначе сходными съ буквами *кирилловскаго* алфавита, или, зная его старѣйшинство передъ *глаголическимъ*, можно уже утвердительно сказать, что буквы эти взяты *устроителемъ* Глаголицы прямо изъ онаго (съ нѣкоторыми видоизмѣненіями, необходимыми для скрытія источника этого заимствованія для непосвященныхъ въ суть дѣла). А это въ свою очередь служитъ самымъ *живымъ* доказательствомъ, что *Глаголица* въ періодъ своего *появленія* на свѣтъ Божій, какъ орудіе церковной письменности у хорватовъ, не была *цѣльной* или *полной* азбукою, а *составлена* во время надобности (въ 879 г.) изъ двухъ частей: а) 14 буквъ, взятыхъ (съ видоизмѣненіями) изъ Ки-

риллицы; б) изъ «условныхъ знаковъ» (24-хъ) мѣстнаго (хорвато-далматинскаго) происхожденія, обращавшихся въ народѣ съ болѣе или менѣе давняго времени, въ счетномъ [1]), торговомъ (клейма) или хозяйственномъ (рѣзи) значеніи, вѣроятнѣе же всего въ первомъ, ибо жители Далмато-Хорватскаго приморья издавна славились какъ искусные моряки, и, какъ таковые, были хорошо знакомы съ восточными народами, чѣмъ и объясняется *сходство* нѣкоторыхъ глаголическихъ буквъ съ буквами разныхъ восточныхъ алфавитовъ, какъ напр. финикійскаго, еврейско-самаританскаго, еѳіопскаго и др.

Зная время *появленія Глаголицы* на свѣтъ (879) и то, что она дотолѣ не была полной (*цѣльной*) азбукой, легко отвѣчать на вопросъ, предлагавшійся не разъ со стороны писавшихъ объ обоихъ алфавитахъ: отъ чего монахъ Храбръ въ своемъ сочиненіи «О письменахъ» ничего не упомянулъ о *Глаголицѣ*, какъ особой славянской азбукѣ? Очевидно потому, что если Храбръ, болгарскій писатель X вѣка, писалъ въ первой четверти этого вѣка, то онъ могъ или вовсе ничего еще не знать о Глаголицѣ, или если что-либо и слышалъ о ней, то, по вышесказанному, долженъ былъ причислить ее къ тѣмъ азбукамъ «безъ устроя», близкимъ къ чертамъ и рѣзи, которыя нѣкоторыя славянскія племена употребляли до изобрѣтенія описываемой имъ и восхва-

---

[1]) Не были ли это особые знаки для означенія «корабленникамъ» дневныхъ и ночныхъ часовъ? Извѣстно, что *италіанскіе*, общнѣе же восточные (церковные) часы издревле и доселѣ разнятся отъ западныхъ (считаются отъ восхожденія до захожденія солнца); первый часъ дня — 7-й часъ утра; второй—8; третій—9; четвертый — 10; пятый — 11; шестой — 12; 7—1; 8—2; 9—3; 10—4; 11—5; 12—6, 1 часъ ночи—7; 2—8; 3—9; 4—10; 5—11; 6—12; 7—1; 8—2; 9—3; 10—4; 11—5; 12—6. Составитель Глаголицы Ѳеодосій заботился главнымъ образомъ о томъ, чтобы буквы его *новаго* алфавита были для народа, по ихъ отличительному округленному и кудреватому начертанію, болѣе или менѣе знакомы, что и было достигнуто введеніемъ въ составъ его знаковъ, находившихся въ народномъ обращеніи, хотя и въ иномъ значеніи. Нѣкоторые или большинство знаковъ могли быть заимствованы хорвато-далматинцами, какъ моряками, у восточныхъ народовъ, съ которыми они были въ сношеніяхъ, чѣмъ и объясняется сходство части глаголическихъ буквъ съ буквами восточныхъ алфавитовъ.

ляемой азбуки *кирилловской*, очертанія буквъ коей у него означены ясно, не оставляя ни малѣйшаго сомнѣнія въ томъ, о какой именно азбукѣ онъ говоритъ. Притомъ же и самая судьба новоизобрѣтенной въ 879 г. Глаголицы, подвергшейся тотчасъ по появленіи своемъ гоненіямъ, наравнѣ съ *Кириллицей*, отъ мѣстнаго латинскаго духовенства, долго висѣла, такъ сказать, на волоскѣ, и прошло не мало времени, пока она завоевала право гражданства у того славянскаго племени, для котораго была составлена.

По какому обряду совершалось славянское богослуженіе въ народной хорватской (говоря нынѣшнимъ языкомъ, уніатской) Нинской епископіи съ 879—928 г.? Мы не обинуясь отвѣчаемъ на это: по греческому обряду, какъ сіе было допущено въ Мораво-Паннонской епархіи, съ тою существенною разницею, что въ Хорватской епископіи служба совершалась по переложеннымъ на *Глаголицу* съ Кириллицы: Служебнику, Псалтыри, Часослову, Октоиху и Минеѣ. Доказательствомъ сего служатъ уцѣлѣвшіе переводы глаголическихъ Служебника, Псалтыри и Молитвослова (Часослова?), о чемъ свидѣтельствуетъ Шафарикъ (см. его сочиненіе о Глаголицѣ. Русскій переводъ въ Чтеніяхъ 1860 г., кн. IV, отдѣлъ III, стр. 22). А какъ есть и глаголическій переводъ латинскаго Миссала (кіевскіе листки), то надобно полагать, что послѣ Сплѣтскихъ соборовъ 928—29 и 1059 годовъ хорваты *глаголиты* (по обряду греко-уніаты) вынуждены были мало по малу сдѣлать и эту *уступку* латинской церкви (т. е. сдѣлаться по обряду просто уніатами-латинами), дабы имѣть возможность продолжать (полуоффиціально) и послѣ *запрещенія* славянское богослуженіе въ своей странѣ, что и дѣйствительно имъ удалось: иначе бы сѣнгскій епископъ не могъ въ 1248 году свидѣтельствовать римскому престолу, что *нѣкоторые* изъ его паствы продолжаютъ держаться *особыхъ книгъ*, утверждая, что они ихъ получили въ наслѣдство отъ блаженнаго Іеронима, почему и счелъ себя въ правѣ ходатайствовать у папы Иннокентія IV о разрѣшеніи таковымъ славянскаго богослуженія по ихъ особымъ (глаголическимъ) книгамъ, что и было дозволено,

но только тамъ, гдѣ оно *держалось* до этого времени, и непремѣнно по *латинскому* обряду, т. е. по *Миссалу*, а не по *Служебнику*.

Изъ западныхъ ученыхъ знаменитый Добровскій первый имѣлъ мужество безпристрастно заявить, что по его мнѣнію *Глаголица* обязана своимъ появленіемъ хорватскимъ священникамъ, которые, какъ любители славянской литургіи, чтобы спасти ее для своего народа отъ гоненія, воздвигнутаго (латинскимъ духовенствомъ) на греко-славянское (кирилловское) письмо, изобрѣли въ XII или XIII вѣкѣ, гдѣ-то у себя (въ Хорвато-Далмаціи) глаголическую письменность (Глаголицу).

По его мнѣнію Ассеманіево (Ватиканское) Глаголическое Евангеліе относится къ XIII вѣку и, вѣроятно, переписано съ кирилловской рукописи (Instit. linguae Slavicae vet. dial., p. 688).

Радуюсь, что мои изысканія, предпринятыя совершенно независимо отъ упомянутаго мнѣнія Добровскаго, вывели меня на ту же дорогу, и что мнѣніе его вполнѣ оправдалось, хотя и оказалось притомъ, что *Глаголица* подходитъ къ Кириллицѣ гораздо ближе по времени, чѣмъ предполагалъ Добровскій, будучи моложе ея всего на 17 лѣтъ (879 г.). Мнѣніе же Добровскаго, что Ассеманіево Глаголическое Евангеліе (и остальныя: Зографское и Маріинское) списано (и передѣлано) съ кирилловской рукописи (X вѣка), вполнѣ подтвердилось. Отношеніе же глаголическаго списка къ Болгаріи состоитъ лишь въ томъ, что онъ списанъ въ Хорвато-Далмаціи съ кирилловскаго списка, писаннаго въ Охридскихъ предѣлахъ, судя по мѣсяцеслову, не позже 946 года. А глаголическая рукопись попала на родину своего кирилловскаго прототипа (въ Девольскій монастырь пр. Наума) въ ту пору, когда циклъ гоненій на славянское богослуженіе въ Хорвато-Далмаціи (925—1064) достигъ своего апогея на Сплѣтскомъ соборѣ 1064 г. и славянское богослуженіе оффиціально дѣйствительно (на время) прекратилось въ Хорватіи. Древнія глаголическія богослужебныя книги перешли тогда въ руки тогдашнихъ славянскихъ старовѣровъ-богомиловъ и разнесены

ими по всему славянскому міру [1]). Наступила и другая пора, когда на Востокѣ, вмѣстѣ съ преслѣдованіемъ богомиловъ, стали преслѣдовать и пріютившуюся у нихъ Глаголицу, что и было поводомъ къ уничтоженію ея памятниковъ. То, что дошло до насъ, уцѣлѣло очевидно случайно, въ монастырскихъ книгохранилищахъ: на Аѳонѣ (въ славянскихъ обителяхъ)—Евангелія Зографское и Маріинское, а въ Девольскомъ монастырѣ пр. Наума нынѣшній Ватиканскій «Евангельскій Изборъ». Докторъ Ф. Рачкій, въ предисловіи къ изданію Ватиканскаго Евангелія (1865 г.), не смотря на свое видимое увлеченіе «паннонскими» гаданіями Копитара и его послѣдователей, мѣстами проговаривается и близко подходитъ къ правильному взгляду на *Глаголицу*; такъ напримѣръ, между прочимъ, въ одномъ мѣстѣ онъ говоритъ: «не даромъ хорваты въ старое время называли Глаголицу *своею* азбукою», и въ другомъ: «какъ бы ни было, но мы ежегодно узнаемъ кое-что, кромѣ голыхъ историческихъ извѣстій, о судьбахъ и борьбѣ славянской церкви съ латинскою въ Хорватской державѣ въ X и XI столѣтіяхъ, и теперь знаемъ, ибо имѣемъ явное доказательство, что нѣкогда у хорватовъ, въ X и XI вѣкѣ, господствовали въ церкви славянскій языкъ и *округлая* Глаголица», и, какъ бы спохватившись, спѣшитъ прибавить: «*какъ и въ Болгаріи*». Спрашиваемъ, при чемъ тутъ Болгарія? Извѣстно, что въ Болгаріи въ то же время господствовало славянское богослуженіе и *кирилловская* письменность, принесенная туда учениками св. Меѳодія

[1]) Вопросъ о томъ, какъ нѣкоторые памятники *Глаголицы* древнѣйшаго ея періода, который глаголиты-католики тенденціозно называютъ болгарскимъ, попали съ своей родины Хорвато-Далмаціи въ Болгарію, изъ русскихъ славистовъ разрѣшенъ всего подробнѣе и основательнѣе въ статьѣ о Глаголицѣ покойнаго А. Е. Викторова, написанной имъ въ 1859—1860 гг. въ отвѣтъ на извѣстное «Послѣднее мнѣніе» о Глаголицѣ Шафарика (см. Лѣтописи Русской Литературы, кн. IV, 1859 г., и кн. V, 1859—1860 г.). Замѣчательная статья эта была оставлена со стороны глаголитовъ-католиковъ безъ отвѣта, ибо дѣйствительно дѣлаетъ ихъ «безотвѣтными» предъ судомъ здравой критики и взгляда, чуждаго узкой тенденціозности и «приходскаго» патріотизма. Эта статья, одобренная О. М. Бодянскимъ, къ сожалѣнію осталась недоконченною, и наша настоящая статья можетъ быть названа ея продолженіемъ.

(† 885 г.) послѣ его кончины. Главнымъ же мѣстомъ ихъ святой дѣятельности были Охридскіе предѣлы (Кумчевица); вотъ почему оттуда и происходятъ *кирилловскіе* оригиналы, съ которыхъ переписаны на Глаголицу дошедшіе до насъ древнѣйшіе ея памятники. Просто и ясно, но не для тѣхъ, которые во что-бы то ни стало желаютъ выдавать «паннонскія» гаданія Копитара за сущую истину, не имѣя на то никакихъ доказательствъ.

IV.

Главная отличительная черта глаголическаго извода евангельскихъ чтеній отъ кирилловскаго состоитъ въ томъ, что глаголическій текстъ при передѣлкѣ онаго (съ первоначальнаго кирилло-меѳодіевскаго перевода въ 880 г.) *согласованъ* (на спѣхъ) съ латинскою вульгатой[1]), къ которой, какъ извѣстно, кирилловскій переводъ 862 г. съ греческаго не имѣетъ никакого отношенія. Изъ западныхъ ученыхъ знаменитый Добровскій старался опредѣлить и установить отношенія первоначальнаго перевода Св. Писанія, особенно же Евангелія и Апостола, къ подлинному греческому тексту, и пришелъ въ этомъ отношеніи къ тому заключенію, что первоначальный древній переводъ Евангелія и Апостола совершенъ въ IX вѣкѣ Кирилломъ и Меѳодіемъ непосредственно съ греческаго языка по рукописямъ такъ называемой константинопольской византійской редакціи, безъ всякаго пользованія при семъ латинскою вульгатой (Dobrovsky «Glagolitica», 1807, p. 68—82»). При внимательномъ же изслѣдованіи глаголическаго текста оказывается, что онъ не только сличенъ, но по возможности весь *согласованъ* съ латинскою вульгатой. Можно даже прослѣдить механизмъ этого труда. Совер-

[1]) Это замѣтилъ и Шафарикъ, выразившись, что переводчикъ (передѣлыватель) *справлялся* съ вульгатой «že puvodce hlaholské recensi *nahlížel* do Vulgaty», потому что латынь была въ большомъ употребленіи въ той странѣ, въ которой онъ жилъ (въ Хорватіи и Далмаціи), и, слѣдовательно, не могла быть ему неизвѣстной, а съ ней и вульгата (Památky hlaholského písemnictví. Praga 1853 г., XXXVI—XXXVII—XXXIX).

шившій оный имѣлъ передъ собою всего лишь два источника: списокъ кирилло-мееодіевскаго перевода и вульгату, и вовсе не заглядывалъ въ греческіе кодексы (вѣроятно, по незнанію греческаго языка). Доказательствомъ сего служитъ то, что онъ, недоумѣвая иногда, какъ измѣнить *слово* въ кирилло-меѳодіевскомъ текстѣ, рѣшалъ это просто, ставя рядомъ и слово, находившееся въ кирилло-меѳодіевскомъ спискѣ, и новое *слово*, которымъ онъ его замѣнялъ съ цѣлію, чтобы оно было ближе къ вульгатѣ, чѣмъ къ греческому тексту. Относительно *иностранныхъ* словъ замѣтно, что трудившійся надъ *измѣненіемъ* кирилло-меѳодіевскаго текста, въ пользу хорватскаго нарѣчія, нѣкоторые изъ этихъ *словъ*, уже переведенныя на славянскій языкъ въ спискѣ кирилло-мееодіевскаго текста, оставлялъ не переведенными, потому только, что они остались непереведенными въ вульгатѣ.

Кромѣ перестановки въ новомъ текстѣ словъ, въ соотвѣтствіе тексту вульгаты, мѣстами встрѣчаются цѣлыя выраженія, измѣненныя противъ кирилло-меѳодіевскаго текста, единственно для того, чтобы они соотвѣтствовали тексту вульгаты.

Такое явное и умышленное предпочтеніе вульгаты греческому тексту, съ котораго, какъ всѣмъ извѣстно, переведены первоначально Кирилломъ и Меѳодіемъ Евангеліе и Апостолъ, ясно доказываетъ до очевидности, что вся эта работа не могла быть дѣломъ рукъ свв. Кирилла и Меѳодія, а есть, какъ мы выше видѣли, дѣло рукъ *новатора*, имѣвшаго свои предвзятыя цѣли, такого лица, которое притомъ вовсе не знало греческаго языка [1]).

И такъ, что же такое глаголическіе тексты евангельскихъ

[1]) См. въ приложеніи *разночтенія* тѣхъ мѣстъ Зографскаго Глаголическаго Евангелія, которыя подтверждаютъ высказанныя выше замѣчанія о согласованіи глаголическаго текста съ латинскою вульгатою. Это сравненіе обязательно сдѣлано для насъ однимъ изъ преподавателей Московской Духовной Академіи, которому и приносимъ нашу глубокую благодарность. Равно прилагаемъ и замѣтки объ Ассеманіевомъ Евангеліи, написанныя извѣстнымъ изслѣдователемъ славянскаго перевода Апостола, профессоромъ Моск. Дух. Академіи Г. А. Воскресенскимъ, по прочтеніи имъ настоящей статьи въ рукописи.

чтеній? Это, повторяемъ, есть *видоизмѣненіе* или *передѣлка* кирилло-меѳодіевскаго текста евангельскихъ чтеній (862 г.), съ примѣненіемъ этой передѣлки въ пользу, какъ доказалъ г. Ягичъ въ своемъ изслѣдованіи о Маріинскомъ Евангеліи (1883 г.), *хорватскаго нарѣчія*, передѣлка, согласованная на спѣхъ притомъ съ латинскою вульгатою, въ явный ущербъ первоначальному кирилло меѳодіевскому переводу съ греческаго языка, ибо сіе нужно было, какъ выше замѣчено, по силѣ обстоятельствъ. Передѣлка эта предпринята была въ предѣлахъ Хорвато-Далматскаго княжества IX вѣка (въ Далмаціи) въ 879—880 годахъ, на что ясно указываютъ церковно-политическія событія въ Хорвато-Далматскомъ княжествѣ между 870—891 г.г.

По раздѣленіи церквей, *Кириллица* окончательно сдѣлалась знаменемъ для *греко-православнаго* исповѣданія, а *Глаголица*, по силѣ неблагопріятныхъ для нея обстоятельствъ на ея родинѣ (въ Хорвато-Далматскомъ княжествѣ), сдѣлалась орудіемъ письменности славянскихъ старовѣровъ-еретиковъ *богомиловъ* или патареновъ. Въ силу гоненій, обрушившихся на нихъ со стороны византійскаго духовенства и правительства всѣхъ православныхъ славянскихъ церквей, зависѣвшихъ или бывшихъ только въ духовной связи съ греческою церковію,—истреблены почти всѣ памятники глаголической письменности, въ числѣ которыхъ были и древніе (X—XI вв.), не имѣвшіе въ себѣ ничего еретическаго. Изъ своей родины (Хорвато-Далмаціи) часть этихъ памятниковъ, вѣроятно благодаря тѣмъ же богомиламъ, разсѣялась по всему славянскому міру, и попала даже къ франкамъ; но сохранились лишь тѣ, которые, вѣроятно еще въ XIII—XIV вв., попали *случайно* [1]) въ библіотеки аѳонскихъ славянскихъ обителей. Таковы

[1]) Это ясно и убѣдительно доказано въ извѣстной статьѣ покойнаго А. Е Викторова (противъ Шафарика). См. Лѣтописи русской литературы, годъ 1859—1860, книга 5, статья II, стр. 30—39. Въ силу тѣхъ же доказательствъ подлежитъ *упраздненію* и тенденціозное раздѣленіе памятниковъ Глаголицы на *болгарскіе* и *хорватскіе*. Имѣются лишь одни *хорватскіе* (вообще западные) двухъ разрядовъ: древнѣйшіе съ X до половины XIII вѣка (округленная Глаголица), позднѣйшіе съ половины XIII вѣка (продолговатая Глаголица).

оба древнѣйшіе списка Глаголическихъ Четвероевангелій: Зографское X вѣка и Маріинское XI вѣка.

Глаголица (879 г.), хотя и есть *видоизмѣненіе* первоначальнаго кирилло-мееодіевскаго текста, согласованнаго съ латинскою вульгатой, всё-таки можетъ быть названа братомъ Кириллицы (862 г.) по языку, но братомъ отнюдь не старшимъ, какъ проповѣдуютъ Копитаръ и его послѣдователи, а *молодшимъ* (какъ напримѣръ Псковъ въ отношеніи Новгорода).

Глаголица осталась, какъ доказалъ И. В. Ягичъ, памятникомъ *стараго хорватскаго* нарѣчія, а *Кириллица*—памятникомъ древняго *церковно-славянскаго* языка. Этимъ именемъ изъ западныхъ ученыхъ Добровскій, а изъ русскихъ Востоковъ, Бодянскій и Срезневскій справедливо называютъ языкъ первоначальнаго кирилло-мееодіевскаго перевода, умышленно избѣгая его называть иначе (болгарскимъ или сербскимъ), дабы не подать повода къ недоразумѣнію. Въ сущности это языкъ македонскихъ славянъ, частнѣе же славянъ Солунской византійской темы. Солунская же тема была родина нашихъ славянскихъ первоучителей свв. Кирилла и Мееодія, которые (всё равно, былъ ли ихъ родъ греческій или славянскій) съ дѣтства отлично знали славянскій языкъ, что исторически засвидѣтельствовалъ византійскій императоръ Михаилъ, который, посылая ихъ въ Моравію и Паннонію, между прочимъ сказалъ имъ: «вы есте солуняне, а солуняне вси чисто бесѣдуютъ по славянски».

Древнѣйшимъ памятникомъ кирилло-мееодіевскаго первоначальнаго перевода остается нынѣ наше Остромирово Евангеліе 1057 г., прототипъ котораго, какъ мы уже указали, по свидѣтельству его мѣсяцеслова, писанъ въ X вѣкѣ въ предѣлахъ Охридской архіепископіи, входившей до 1018 г. въ предѣлы тогдашняго перваго Болгарскаго царства.

Остромирову Кирилловскому Евангелію и предлежитъ честь именоваться «истиннымъ зеркаломъ древняго церковно-славянскаго языка», какъ второму списку съ первоначальнаго кирилло-мееодіевскаго перевода, безъ всякихъ произвольныхъ и тенден-

ціозныхъ передѣлокъ, съ небольшими, и то случайными, измѣненіями, указанными А. Х. Востоковымъ, *а не Зографскому*, какъ тоже второй копіи съ первоначальнаго меѳодіевскаго перевода, но такой, которая передѣлана, хотя и съ благими, но всё-таки тенденціозными цѣлями.

Остромирово Евангеліе, какъ древнѣйшій памятникъ *Кириллицы*, остается тѣмъ же, чѣмъ былъ его прототипъ кирилло-меѳодіевскаго перевода — знаменемъ православныхъ славянъ, порученнымъ Промысломъ Божіимъ храненію русскаго народа. Вѣрность этому знамени служитъ символомъ святаго чаянія, что грядетъ часъ, когда и всѣ остальные славяне, убѣдясь, что наступило и для нихъ время духовнаго единства, свободно и радостно соберутся подъ это обще-славянское знамя и, вмѣстѣ съ его хранителями, воспоютъ едиными усты (глаголы) и единымъ сердцемъ знаменательную пѣснь, твореніе царственнаго пѣснотворца X вѣка, царя Льва Премудраго, которая нѣкогда оглашала своды Цареградской Софіи: «Пріидите людіе, Тріvпостасному Божеству поклонимся, Сыну во Отцѣ, со Святымъ Духомъ: Отецъ бо безлѣтно роди Сына соприсносущна и сопрестольна, и Духъ Святый бѣ во Отцѣ, съ Сыномъ прославляемъ; едина сила, едино существо, едино Божество. Ему же поклоняющеся вси глаголемъ: Святый Боже, вся содѣявый Сыномъ, содѣйствомъ Святаго Духа; Святый крѣпкій, Имже Отца познахомъ, и Духъ Святый пріиде въ міръ; Святый безсмертный, утѣшительный Душе, отъ Отца исходяй, и въ Сынѣ почиваяй: Троице Святая, слава Тебѣ».

ПРИЛОЖЕНІЯ.

А.

Что оказывается изъ сличенія евангельскаго текста глаголическаго Зографскаго Евангелія (X вѣка) съ латинскою вульгатою.

Зографскій текстъ *не есть переводъ съ вульгаты:* это въ сущности—отпрыскъ того же первоначальнаго перевода, который дошелъ до насъ въ спискѣ Остромира. *Первоначальный текстъ перевода, сдѣланнаго по греческому оригиналу, въ Зографскомъ спискѣ является* приспособленнымъ къ особенностямъ сербохорватскаго нарѣчія и *правленнымъ по вульгатѣ.*

Привожу наиболѣе ясные примѣры вліянія вульгаты, слѣдуя порядку евангелистовъ.

Мѳ. 4, 3: «І пристѫпи къ н҃емоу диѣволъ ʿіскоушаѩ и іʿ рече» соотвѣтствуетъ латинскому: et accessit ad eum tentator diabolus et dixit (ср. Остр.).

4, 6: «поусти себе долу» = mitte te deorsum.

4, 18: «ръібарѣ» = piscatores (гр. ἁλιεῖς).

6, 30: «въ огн҃ь» = in ignem (по др. въ пещь, греч. κλίβανον).

18, 12: «етероу» = alicui (вм. іетероу дрогоуоуму человѣку).

22, 35: «законооучителъ» = legis doctor (по гр. νομικός = законникъ).

26, 4: «и съвѣтъ сътворишѧ» = consilium fecerunt (Остр.: и съвѣщашася = гр. συνεβουλεύσαντο).

Луки 5, 26: «дивъна» = mirabilia, вм. прѣславьна = παράδοξα.

11, 3: «надьневънъі» = cotidianum.

Іоанна 1, 12: «власть» вм. «область» напоминаетъ скорѣе латинское potestatem, чѣмъ греч. ἐξουσίαν.

1, 26: «крьштаѭ *вы*». «Вы» прибавлено, согласно съ латинскими кодексами (Vercellensis и Veronensis).

1, 27: Цѣлый стихъ, имѣющій въ подлинникѣ и переводахъ множество варіантовъ, въ Зографскимъ кодексѣ стоитъ ближе всего къ редакціи вульгаты.

1, 36: «ходѧшта» вм. «идуща» (въ Остромировомъ) согласно лат. ambulantem.

1, 44: «И гл҃а ему Іс҃». «Іисусъ» прибавлено, какъ въ кодексахъ Vercellensis, Veronensis и Colbertinus.

2, 14: «овьцѧ і҆ волы» = oves et boves въ кодексѣ Vercellensis (порядокъ словъ).

6, 17: «*въ галиѭ*».

6, 18: «по морю же вѣтроу великоу дыхаѭштю» = mare autem vento magno *flante* (Остр.: «море же вѣтру велику въстаяше»).

6, 42: «Не сь ли естъ сн҃ъ і҆осифовъ». Опущено «*Іисусъ*», какъ въ кодексахъ Veronensis и Colbertinus.

8, 27: «Ѣко оц҃а і҆мъ гл҃аше *Б҃а*». «Бога» присоединено, какъ въ кодексахъ Cantabrigiensis, Vercellensis и Colbertinus.

8, 33: «отъвѣшташѧ емоу *і҆юдеі*». «Іюдеи» прибавлено, какъ въ кодексѣ Vercellensis.

10, 10: «и лише имутъ» опущено, какъ въ кодексѣ Cantabrigiensis.

Число примѣровъ можетъ быть значительно увеличено.

Мы сдѣлали подробное сличеніе текста Зографскаго Евангелія въ Евангеліи отъ Матѳея 3—10 и въ Евангеліи отъ Іоанна 1—11 со спискомъ Остромировымъ, греческими кодексами и кодексами вульгаты.

Достойно замѣчанія, что латинскіе кодексы, съ которыми приходится наичаще встрѣчаться при сличеніи, ведутъ свое происхожденіе изъ Сѣверной Италіи и заключаютъ въ себѣ или Четвероевангеліе, или Четвероевангеліе съ Дѣяніями Апостольскими.

Б.

Объ Ассеманіевомъ Евангеліи.

Сравнивая глаголическое Ассеманіево Евангеліе-апракосъ съ Остромировымъ, находимъ въ первомъ слѣдующія особенности, свидѣтельствующія о вліяніи на глаголическій текстъ вульгаты.

Лук. 2, 43. Остром.: и не чоу иосифъ и мати кго (греч. καὶ οὐκ ἔγνω Ἰωσὴφ καὶ ἡ μητὴρ αὐτοῦ). Въ глаголическомъ Ассеман. Евангеліи: и не чюсте *родитель* (Вульг.: et non cognoverunt *parentes* ejus).

5, 26. Остром.: ꙗко видѣхомъ *прѣславьна* дьньсь (παράδοξα). Ассем.: ѣко видѣхомъ *дивьнаа* дьнесь (Вульг.: *mirabilia*).

Іоан. 4, 34. Остром.: да сътворѫ волѭ посълавъшааго мѧ и съврьшѫ дѣло кго (греч. ποιήσω—τελειώσω). Ассем.: да творѭ волѭ посьлавъшааго мѧ и съврьшѭ дѣло его (Вульг.: ut *faciam* voluntatem — — ut perficiam).

9, 8. Остр.: ꙗко *слѣпъ* бѣ (ὅτι τυφλὸς ἦν). Ассем.: ѣко *проситель* бѣ (Вульг.: quia *mendicus* erat).

12, 47. Остром.: и аще къто оуслышитъ гл҃ы моꙗ и не вѣроуктъ (καὶ μὴ πιστεύσῃ). Ассем.: и аште кто оуслышитъ глаголы моѩ и *не съхранитъ ихъ* (Вульг.: et si quis audierit verba mea, et *non custodierit*).

Греческія слова, переведенныя въ Остромировомъ Евангеліи, въ Ассеманіевомъ глаголическомъ оставлены безъ перевода, при чемъ исправитель могъ имѣть въ виду вульгату. Такъ:

Матѳ. 24, 51. Остром.: и чѧсть кго съ лицемѣры положитъ (μετὰ τῶν ὑποκριτῶν). Ассем.: и чѧсть его съ упокриты положитъ (Вульг.: *cum hypocritis*).

Марк. 15, 45. Остром. *въ нед. 3-ю по Пасхѣ:* и оувѣдѣвъ отъ *сътьника* (ἀπὸ τοῦ κεντυρίωνος). Ассем. также: *отъ*

сътьника. Но другіе глаголическіе списки Евангелія, именно Зографскій и Маріинскій, читаютъ здѣсь: отъ *кенътоуриона* (Вульг.: a centurione).

Наоборотъ, Іоан. 4, 31; 9, 2: Остром.: *равви*, Ассем.: *оучителю* (Ῥαββί, Rabbi).

Отмѣтимъ теперь особенности перевода Ассеманіева списка указывающія на его юго-западное происхожденіе (старо-хорватское нарѣчіе):

Матѳ. 10, 29: не дъвѣ ли птици на асарii *вѣнимѣ есте* (πωλεῖται). Остром.: цѣнимѣ ѥсте.

28, 8: и ишедъши ıадро отъ гроба (τάχυ). Остром.: *скоро*.

Іоан. 1, 14, 18; 3, 18 μονογενής перев. иночıадъıи. Остром.: ѥдиночадыи.

4, 14: нъ вода ѭже азъ дамъ смоу бѫдетъ въ немъ источьникъ воды въслѣплѭштаıа въ животъ вѣчьныи (—πηγὴ ὕδατος ἀλλομένου εἰς ζωὴν αἰώνιον). Остром.: воды истѣкаѭщаѩ въ животъ вѣчьныи.

5, 5; 6, 64; 9, 16; 11, 49: τὶς перев. въ Ассем. етеръ, въ Остром.: ѥдинъ, дроугъıи, нѣкъıи. Только Іоан. 7, 25, 44: τινες и въ Остром.: *етери*.

15, 25: ѣко възненавидѣшѧ мѧ спыти (δωρεάν). Остром.: безоума.

19, 1: тогда Пилатъ поıатъ Ісуса и *тепе* и (ἐμαστίγωσεν, flagellavit). Остром.: *би*.

21, 19: се же рече клепѧ коеѭ съмръти҄ѭ прославитъ Бога (σημαίνων, significans). Остром.: знаменаıа.

Другія, менѣе важныя, отличія Ассеманіева списка отъ Остромирова указаны въ трудѣ И. И. Срезневскаго: «Древніе глаголическіе памятники сравнительно съ памятниками кириллицы», Спб. 1866, стр. 71—72.

В.

Судьбы Кириллицы и Глаголицы въ IX, X и XI столѣтіяхъ.

862 г. Изобрѣтеніе *Кириллицы св. Кирилломъ.* Свв. братья солунцы Кириллъ и Меѳодій переводятъ съ греческаго на славянскій языкъ священныя книги (Изборъ евангельскихъ и апостольскихъ чтеній, Псалтирь, Служебникъ, Часословъ, Общую Минею) и вводятъ въ Велико-Моравской державѣ славянское богослуженіе и кирилловскую письменность.

Въ 862—867 г.г. славянское богослуженіе и *Кириллица* введены въ Сербіи при князѣ Мунтимирѣ.

869 г. Преставленіе пр. Кирилла, изобрѣвшаго *Кириллицу.*

Въ 870 г. въ Болгаріи окончательно введено славянское богослуженіе и *кирилловская* письменность.

870 г. Распря Рима съ Византіею за церковное преобладаніе надъ южными славянами.

873 г. Крещеніе св. Меѳодіемъ чешскаго князя *Боривоя* и св. Людмиллы.

Славянское богослуженіе и *Кириллица.*

877 г. Хорватскій князь *Сдеславъ* дѣлается подручникомъ Византіи. Пр. Кириллъ и его ученики ввели въ Хорвато-Далматской державѣ славянское богослуженіе и кирилловскія книги еще въ 862—867 г.г.

879 г. Князь Сдеславъ убитъ *Бранимиромъ*, который, опасаясь мщенія Византіи, передается Риму.

Кириллица (у далматинскихъ сербовъ) въ Приморьи съ 880 г. подверглась гоненію латинъ наравнѣ съ Глаголицею (хорватовъ) со стороны мѣстнаго латинскаго духовенства (Сплѣтской архіепископіи); этому духовенству не было никакого дѣла до различія *алфавитовъ;* оно видѣло одно, что разрѣшеніе *славянскаго богослуженія* грозитъ ему лишеніемъ славянской паствы. Гоненіе это съ 882 г., т. е. со смерти папы Іоанна VIII, усилилось, по содѣйствіе олатиненныхъ князя и его вельможъ и довело до Сплѣтскаго собора 925 года, на которомъ *впервые славянское богослуженіе* было запрещено вообще, какъ для сербовъ — послѣдователей Ки-

879 г. Нѣкто діаконъ *Өеодосій*, родомъ славянинъ (хорватъ), желая спасти полюбившееся хорвато-далматинцамъ *славянское богослуженіе*, придумалъ для этого слѣдующее: посовѣтовалъ князю *Бранимиру* отступить отъ *Византіи* и стать подъ покровительство *Рима*, а самъ составилъ изъ Кириллицы и народныхъ «условныхъ знаковъ» счетнаго или торговаго значенія *Глаголицу*, переписалъ сю кирилловскій переводъ св. Евангелія, примѣнивъ оный къ хорватскому нарѣчію и по возможности *согласивъ* съ латинскою вульгатой, вошелъ въ сношеніе съ папой (Іоанномъ VIII), принялъ отъ Рима посвященіе во епископа (въ 879 г.) и благословеніе совершать въ его *Нинской* епархіи славянское богослуженіе по изготовленнымъ имъ *глаголическимъ* книгамъ (въ 880 г.).

риллицы, такъ и для хорватовъ — послѣдователей Глаголицы.

Сербамъ позволялось служить по гречески, а хорватамъ велѣно служить по латыни.

885 г. Преставленіе св. Мееодія.

886—1018 г.г. По кончинѣ св. Мееодія ученики его, во главѣ коихъ стоялъ *Климентъ* (болгаринъ), Наумъ Ангелларій *Горагдъ* (моравлянинъ) и *Лаврентій*, гонимые въ Моравіи нѣмецкимъ (тогда латинскимъ же) духовенствомъ, перешли въ Болгарію, подъ покровительство царя Бориса (Михаила), который отдалъ въ церковное управленіе Климента, какъ епископа величскаго, третью часть Македоніи отъ Солуня до Іерихо (нынѣ Орха) и *Конина* въ Албаніи; они поселились въ юго-западномъ углу Македоніи (Кутмичвица) въ предѣлахъ Охридскихъ и продолжали свою святую дѣятельность. Скоро *Огрида* сдѣлалась центромъ духовнаго просвѣщенія македонскихъ славянъ, и списки св. книгъ, распространяемые учениками *седмочисленниковъ*, разошлись по всему славянскому міру. Одинъ изъ этихъ

Такова *первая* славянская унія съ римскою церковію.

Но латинское духовенство римскихъ городовъ Далмаціи, опасаясь потерять свою славянскую паству, во главѣ со *сплѣтскимъ* архіепископомъ, воздвигло гоненіе, какъ на послѣдователей *Кириллицы*, такъ и на *глаголитовъ*, направляя его вообще противъ *славянскаго богослуженія*. Отсюда начало долговременной борьбы латинъ со славянами: латинскаго *Сплѣта* съ славянскимъ *Ниномъ*.

891 г. По жалобамъ латинскаго духовенства папа Стефанъ VI пишетъ къ *Өеодосію*, повелѣвая ему ограничиваться предѣлами своей епархіи и не считать себя владыкою славянъ всей Хорвато-Далмаціи. Преемникъ Өеодосія, епископъ *Альфредъ*, продолжаетъ борьбу съ Сплѣтомъ.

923 г. Византія помирилась съ Римомъ, будучи въ опасности отъ *Симеона*, царя болгарскаго.

925 г. Сплѣтскій соборъ, на коемъ св. Мееодій объявленъ еретикомъ, а книги его (*Кириллица*) обозваны *еретическими* и *готскими*. Нинская *глаголическая* епархія пощажена, но урѣ-

списковъ послужилъ прототипомъ нашего *Остромирова* Евангелія. Онъ писанъ не позже 960 г., къ которому относится кончина значащагося въ его мѣсяцесловѣ св. *Григорія*, епископа мизійскаго, который упоминается въ греческой надписи 1020 г., открытой профессоромъ Григоровичемъ въ развалинахъ церкви св. Софіи Охридской. Этотъ Григорій, въ санѣ пресвитера и судьи всѣхъ церковниковъ, былъ сотрудникъ царя Симеона, составилъ для него первый славянскій хронографъ и перевелъ хронику Георгія Амартола. *Охрида* процвѣтала и во второе Болгарское царство при его основателѣ *Самуилѣ* (976—1018); съ 1018 г. началось ея огречиваніе.

988 г. Великій князь кіевскій Владиміръ крестилъ русскій народъ.

Православная славянская (сербская) община въ Далмаціи съ славянскимъ богослуженіемъ и *Кириллицею*, гонимая и никѣмъ не защищаемая, однако чудомъ Божіей благодати уцѣлѣла доселѣ. Нынѣ въ Далмаціи двѣ сербскихъ православныхъ епархіи: *Задарская* и *Которская*. Въ

зана и права ея ограничены. Славянское богослуженіе запрещено. Епископъ народной хорватской церкви *Григорій* протестуетъ къ папѣ, но безуспѣшно.

928—29 г. Второй соборъ въ Солинѣ (Сплѣтѣ). *Славянское богослуженіе* вторично запрещается. Нинская епархія *упразднена*, но борьба этимъ не окончилась.

1059 г. Третій соборъ въ Сплѣтѣ и третье запрещеніе *славянскаго богослуженія*.

1248 г. *Глаголиты* находятъ себѣ защитника въ лицѣ папы Иннокентія, который дозволилъ имъ снова славянское богослуженіе по *глаголическимъ* книгамъ съ нѣкоторымъ сближеніемъ онаго съ латинскимъ обрядомъ.

Глаголиты тоже уцѣлѣли въ Сѣнгско-Мадруштской діоцезіи; они отправляютъ славянское богослуженіе (литургію) по древнимъ глаголическимъ книгамъ, которыми народъ дорожитъ какъ драгоцѣнностію и ревниво оберегаетъ отъ нападеній, а таковыя не прекращаются и до-

первой, раздѣленной на 5 протопопій, находится: 49 приходовъ, 49 приходскихъ и 10 филіальныхъ церквей, 3 монастыря (Крупа, Крка, Драговичь), 213 селъ и 53,949 прихожанъ.

Во второй, раздѣленной на 3 протопопіи, находится: 66 приходовъ, 69 приходскихъ и 107 филіальныхъ церквей, 8 монастырей (Саввина, Листва, Баня, Градиште, Режевичь, Прасковица, Дульво и Майне), 217 селъ и 27,821 прихожанинъ (см. Хорватія, Славонія и Далмація Л. В. Березина, 1879 г., т. II, стр. 130—131).

селѣ (см. Славянскія Извѣстія, 1890 г., № 44).

Такимъ образомъ событія, оставившія свои слѣды на страницахъ хорватской исторіи, подтверждаются и *наличностію* двухъ вѣроисповѣдныхъ славянскихъ общинъ, сохранившихся доселѣ въ отечествѣ Глаголицы—Хорвато-Далмаціи съ славянскимъ богослуженіемъ по *кирилловскимъ* и *глаголическимъ* книгамъ. Дѣло говоритъ само за себя, но хорватскіе ученые, проникнувшись тенденціозными гаданіями Копитара (на латинской подкладкѣ), столь льстящими ихъ племенному (по Бодянскому «приходскому») патріотизму, всѣ свои ученыя изысканія объ отношеніяхъ Глаголицы къ Кириллицѣ очевидно гнутъ на сторону паннонскихъ гаданій Копитара, блистательно опровергнутыхъ въ сочиненіи нашего незабвеннаго и правдиваго слависта и филолога О. М. Бодянскаго «О времени происхожденія славянскихъ письменъ» (т. е. Кириллицы). Пусть же кто нибудь изъ этихъ ученыхъ напишетъ такое же сочиненіе о времени и происхожденіи пресловутой *Глаголицы*, которую по заявленію доктора Ф. Рачкаго

предки нынѣшнихъ хорватовъ называли (и прибавимъ справедливо) *своею* азбукою. Пусть укажутъ (вѣрнѣе нашего), гдѣ, когда, почему и для чего появилась Глаголица впервые на церковно-политическомъ поприщѣ, и тогда окажется: устоятъ ли Копитаровы гаданія противъ доказательствъ, собранныхъ О. М. Бодянскимъ въ его вышепомянутомъ сочиненіи относительно *Кириллицы* и ея вліянія на судьбы славянства, оставшагося при ея помощи въ церковномъ единеніи съ Византіею.

Глаголица же какъ была, такъ и осталась доселѣ знаменіемъ первой славянской уніи съ латинскою церковію. Да вѣдаютъ это тѣ ученые изъ православныхъ восточныхъ сербовъ, которые, заслушавшись хорватскихъ гаданій о проблематическомъ *сербизмѣ Глаголицы* IX вѣка и другихъ ея архаическихъ прелестяхъ, неосторожно спѣшатъ согласиться со всѣмъ этимъ[1]), не обращая должнаго вниманія на то, что хорватскіе писатели тенденціозно смѣшиваютъ въ одну кучу: исконныхъ православныхъ (кирилловцевъ) сербовъ Далмаціи съ исконными уніатами (глаголитами) хорватами, изъ видовъ узкаго патріотизма и племеннаго антагонизма. Хорватскіе писатели, не довольствуясь тѣмъ, что они бездоказательно усыновили свою безродную *Глаголицу* пр. Кириллу, называя его изобрѣтателемъ оной (прежде считался таковымъ блаженный Іеронимъ), стараются навязать ее далматинскимъ сербамъ (какъ нѣчто старѣйшее и совершеннѣйшее[2]), владѣльцамъ истинной *Кириллицы*, полученной ими, какъ извѣстно, въ даръ изъ святыхъ рукъ самого пр. Кирилла (862—867 г.г.), о чемъ свидѣтельствуютъ даже такіе ревностные латинскіе писатели, каковы: Діоклеецъ и Мавро-Урбинъ (см. Исторію славянскихъ народовъ, ч. I, стр. 340), которые, признавая фактъ, въ то же время извращаютъ его значеніе по своему въ пользу Рима. Сочувство-

---

1) Все дѣло въ фразѣ *сербо*-хорватское (нарѣчіе), тогда какъ слѣдовало бы просто хорватское.

2) Тогда какъ самъ Шафарикъ называетъ *Глаголицу* азбукою «истязательною» въ смыслѣ трудности употребленія ея какъ алфавита для чтенія и письма.

вать этимъ *тендснціознымъ* цѣлямъ, которыя, какъ однажды справедливо выразился оффиціально покойный И. И. Срезневскій, не имѣютъ ничего общаго съ наукою, очевидно не приходится и всего менѣе приличествуетъ ученымъ изъ православныхъ сербовъ.

Приведемъ заключительную параллель между Кириллицею и Глаголицею.

Кириллица изобрѣтена въ 862 г. Константиномъ (въ монашествѣ Кирилломъ) философомъ.	*Глаголица* составлена въ 879 году хорватскимъ діакономъ (потомъ епископомъ Нинской хорватской народной епископіи) Ѳеодосіемъ.
Русская легенда XII вѣка о существованіи яко бы русскаго письма прежде Кириллицы (у Нестора).	*Латинская* легенда XII вѣка о изобрѣтеніи *Глаголицы* яко бы блаженнымъ Іеронимомъ у Діоклейца.
Кириллица состоитъ изъ 24 буквъ греческаго алфавита съ прибавленіемъ 14 буквъ, выражающихъ звуки свойственные славянскому языку.	*Глаголица* состоитъ изъ 24 буквъ, въ каковыя обращены условные знаки (счетнаго или торговаго значенія), бывшіе издревле въ народномъ употребленіи приморскихъ далматинско-хорватскихъ славянъ, и изъ 14 буквъ, заимствованныхъ непосредственно изъ Кириллицы, съ видоизмѣненіемъ нѣкоторыхъ для сходства съ упомянутыми «условными знаками» округленной Глаголицы.
Кириллица есть знаменіе церковнаго единенія съ Византіею (греческою церковію).	*Глаголица* есть знаменіе разъединенія съ Византіей, первый опытъ условной славянской уніи съ Римомъ.

Кириллица есть зеркало *церковно-славянскаго* языка IX столѣтія.	*Глаголица* есть зеркало *хорватскаго* нарѣчія [1]) IX столѣтія по языку (отчасти), правописанію и грамматическимъ формамъ.
Древнѣйшій памятникъ *Кириллицы*: *Остромирово Евангеліе* 1057 года, копія со списка, писаннаго въ Охридскихъ предѣлахъ не ранѣе 960 г.	Древнѣйшіе памятники *Глаголицы:* а) *Зографское* Четвероевангеліе исхода X или начала XI вѣка; б) *Ассеманіево* (Ватиканское) Евангеліе XI—XII вѣка, *передѣланное* на хорватское нарѣчіе съ кирилловскаго списка, писаннаго въ Охридскихъ предѣлахъ не ранѣе 946 года; в) *Маріинское* (Григоровичево) XI—XII вѣка.
Древнѣйшій памятникъ Кириллицы Остромирово Евангеліе изслѣдовано и издано нашимъ извѣстнымъ филологомъ А. Х. Востоковымъ въ 1843 г.	Глаголическія Евангелія: Ватиканское, Зографское и Маріинское изслѣдованы и изданы: первое докторомъ Ф. Рачкимъ (съ предисловіемъ И. В. Ягича) въ 1865 году, а два послѣднія И. В. Ягичемъ въ 1879 и 1883 годахъ.

[1]) Далматинскіе сербы не нуждались въ *глаголической* передѣлкѣ съ кирилловскаго текста Евангелія и прочихъ богослужебныхъ книгъ, оставшись доселѣ вѣрными *Кириллицѣ* (Задарская и Которская епископіи).